PG 3337
.K76 R64

1835

THE LIBRARY OF CONGRESS

РОКСОЛАНА,

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ ВЪ СТИХАХЪ

СОЧИНЕНІЕ

Н. К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

D259
300

РОКСОЛАНА.

POKCO.JANA.

Kukol'nik, N

РОКСОЛАНА,

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ ВЪ СТИХАХЪ

СОЧИНЕНІЕ
Кукольника, Нестора Васильевича, 1809-1868.
Н. К.

(писана лѣтомъ 1835 года)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.
1835.

PG3337
.K76R64
1835

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ. 11 Генваря 1835 года.

Цензоръ *В. Семеновъ.*

59-147117
ср86.05-31.84

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

СОЛИМАНЪ II, Султанъ Истамбольскій.
ХРИЗУЛА, первая Султанша.
МУСТАФА, сынъ ихъ.
РОКСОЛАНА, Одалиска Истамбольскаго Гарема.
СЕЛИМЪ.
БАЯЗЕТЪ. } дѣти ея отъ Солимана.
КАЯНА (л. б.)
РУСТЕНЪ, Великій Визирь.
КОРАДИНЪ БАРБАРОССА, Султанъ Алжира, Капуданъ-Паша Оттоманской Порты.
РЕЙСЪ ЭФЕНДИ.
ВЕЛИКІЙ МУФТІЙ ИСТАМБОЛА.
ИБРАГИМЪ, Кизляръ-Ага Истамбольскаго Гарема.
КАПЫ-АГА Истамбольскаго Сераля (лице безмолвное).
АХМЕТЪ, Паша Сирійскій.
ГУССЕЙНЪ, Паша Египетскій (л. б.).
ЯНЫЧАРЪ-АГА (л. б.).
КАПЫ-АГА Амазійскаго Сераля.
КИЗЛЯРЪ-АГА Амазійскаго Гарема (л. б.).
МУФТІЙ Амазійскій (л б.).
КАДЫНЬ ОРСАНА, Надзирательница Истамбольскаго Гарема.
ЮСУФЪ, Черный Евнухъ.
ИМАМЪ.
ДЕРВИШЬ.
ИЧОГЛАНЪ.
Карлы. Невольницы. Молельщики. Ичоглане.
Нѣмые. Бѣлые и Черные Евнухи. Народъ.

РОКСОЛАНА.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ИСТАМБОЛѢ. (1)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Портикъ съ мраморными столбами, устланный коврами; у перилъ софы; изъ него видъ въ сады Сераля; фонтаны въ разныхъ мѣстахъ разсѣкаютъ воздухъ.

ВЫХОДЪ 1.

ХРИЗУЛА, (во внутренности Портика сидитъ на софѣ, скрывъ голову въ подушки), ОРСАНА (съ сосудомъ прохладительнаго напитка, медленно къ ней приближается). РОКСОЛАНА (на среднемъ лугу сада, возлежитъ на коврахъ и подушкахъ) НЕВОЛЬНИЦЫ (изъ коихъ однѣ поютъ и играютъ на мандолинахъ, другія пляшутъ; иныя отдыхаютъ въ прохладѣ платановъ и фонтановъ).

ХОРЪ НЕВОЛЬНИЦЪ.

На востокѣ солнце блещетъ;
На закатѣ мѣсяцъ спитъ;
Въ синевѣ звѣзда трепещетъ;
Море золотомъ горитъ.

Но предъ яркими очами
Чернокудрой красоты,
Солнце съ ясными лучами
Ты темнѣе темноты. —
Предъ жемчужной бѣлизною
Нѣжно-пламенныхъ ланитъ,
За серебрянной фатою
Мѣсяцъ, какъ мерцвецъ, глядитъ.
Подними покровъ небрежной
Въ пору утренняго сна, —
Что̀, предъ грудью бѣлоснѣжной,
Сребропѣнная *волна*?! —
Поцѣлуемъ сонъ лѣнивый
Отжени отъ красоты, —
И заблещетъ взоръ стыдливый
Ярче утренней *звѣзды*.....

Орсана (склоняясь къ Хризулѣ).

О чемъ тоскуешь, лилія Гарема? —
Ты — роза женъ, тебѣ-ли тосковать? —
Цвѣтши свѣжѣе утренней прохлады,
Дыши благоуханьемъ Кашемира!...

(Хризула поднимаетъ на Орсану очи полныя слезъ, безмолвно, и снова опускаетъ голову на подушки.)

Какъ?...Слезы?.. И о чемъ? — Тебѣ ли плакать?
Какъ утро дня, что самъ Алла всесильный
Изъ ризы собственной такъ ярко вышкалъ,
Такъ ты богата дивными красами!
Ты — Мустафы счастливѣйшая мать,
Ты — первая, любимая Султанша!

Хризула.

Любимая?!.. О повтори Орсана!..
Пріятенъ бури свистъ и гулъ протяжный,
Когда онъ намъ музыкой отдается.

Обманъ очаровательный, Орсана,
Но только на одно мгновенье.... Буря...
Ахъ, буря здѣсь...

Орсана.

О чемъ тоска, Хризула?

Хризула.

О чемъ тоска? — Тебѣ-ль о томъ не знать? —
Не ты-ли стражъ Гарема неусыпный,
Не ты-ль намъ объявляешь ежедневно
Завѣтныя желанія Султана?
Тебѣ-ль не знать, чѣмъ мучится Хризула?
Ахъ! Въ восемнадцать лѣтъ — не въ первый разъ
Ты спрашивала у меня, Орсана,
О чемъ тоска? — И всякій разъ ошвѣтъ
Одинъ и тотъ-же: онъ меня не любитъ!
Онъ промѣнялъ меня на Роксолану;
Онъ позабылъ, надменный, что Хризула
Его любви плодъ первый принесла!
Что этотъ плодъ похожъ на Солимана,
Какъ солнце въ воздухѣ, на солнце въ морѣ;
Что Мустафа, любимый сынъ его
Прославленъ, возвеличенъ Магометомъ.....
А отъ рабы несчастныя отродья
Отцевскаго неутѣшаютъ сердца;
Одинъ, въ великій мѣсяцъ Рамазана, (2)
Піянствуетъ до захожденья солнца;
Другой, — да истребитъ его Алла! —
На площади Джиридомъ (3) забавляясь,
Задобриваетъ войско Янычаровъ
И втайнѣ мысль не добрую куетъ.
Увы, Орсана, восемнадцать лѣтъ
Не восемнадцать дней; — и въ это время
Всѣ ласки, угожденія рабынѣ,

Что на базарѣ продана за деньги!!
А мнѣ и прочимъ женамъ Солимана
Презрѣніе, холодность, равнодушье! —
Пусть прочимъ женамъ; всѣ онѣ безплодны;
Но я, — Орсана, — матерь Мустафы,
Я первая, любимая Султанша..... (4)

(съ горькою улыбкою.)

Любимая!.. Названіе пустое!
О лучше-бъ первородный сынъ его
Былъ сыномъ Роксоланы, а Хризула
Предметомъ ласкъ его, любви восторговъ,
Хотя рабой...

Орсана.

Не унывай, Хризула!
Ты такъ еще свѣжа, какъ стыдъ дѣвицы,
Когда впервые жаркія уста
Дрожатъ на пламенныхъ ея ланитахъ...

Хризула.

Ахъ, восемьнадцать лѣтъ уже, Орсана!
Еще-ли ждать? — Нѣтъ, скоро для Хризулы
Эски-Серай (5) — темницею назначатъ....
А Роксолана... Глазъ ея ужасенъ,
Въ немъ сила есть нѣмаго волхованья;
Безъ чаръ, она-бъ Султаномъ не владѣла.
Но будетъ время, — ускори Пророкъ
Желанный день! — мой добрый Мустафа
За стыдъ твоей отверженной Хризулы,
Ты отомстишь рабынѣ ненавистной,
Пришлешь нѣмыхъ къ ея развратнымъ дѣтямъ.

Роксолана (съ женами и невольницами входитъ въ портикъ)

Зной гонитъ насъ подъ кровлю.. Ахъ, Хризула,
О чемъ тоска, любимая Султанша?

Хризула.

Нечистая невольница Султана,
Любимая колдунья, въ твой покой
Иди для Солимана чары дѣлать! —
Орсана, жены и рабы Гарема
Пойдемъ ко мнѣ! — Останься, Роксолана,
Ты мнѣ пропивна....

=

ВЫХОДЪ 2.

Роксолана (одна.)

Бѣдная Хризула!
Какъ мало знаешь сердце человѣка....
Неужели ты думаешь, что ревность, —
И обнаруженная ревность, — сердцу
Соперницы счастливой непріятна?
Гори, жена! — Огонь твоихъ страданій
Мнѣ замѣняетъ санъ твой и значенье. —
Ты — первая, любимая Султанша,
Я — первая, любимая раба;
Ты — только по названью, — я — по чувству. —

=

ВЫХОДЪ 3.

РОКСОЛАНА и ОРСАНА.

Орсана.

Нѣтъ никого! Послушай, Роксолана;
Хризула месть ужасную готовитъ,
Месть отдаленную, но громъ далекій
Предвозвѣщаетъ бурю....

Роксолана.

Что̀, Орсана.

Орсана.

Люблю тебя, роскошный цвѣтъ Гарема! —
Я быть хочу спасительной росой,
А не коварнымъ вѣтромъ полуночи.
Будь осторожна, дочь моя...

Роксолана.

Орсана,
Въ чемъ дѣло? —

Орсана.

Бойся смерши Солимана!
Твой жребій ужъ рѣшенъ въ умѣ Хризулы.
Какъ только сынъ Хризулы Мустафа
Надѣнетъ мечь Султановъ Истамбольскихъ; —
Тебя и всѣхъ дѣтей твоихъ не станетъ.

Роксолана.

Расчитанная ревность!.. Но Алла
Судьбу мою изрекъ съ моимъ рожденьемъ.
И самъ Алла перемѣнить не можетъ,
Что въ книгу записалъ судебъ Востока.

Орсана.

Судьба, судьба!.. И я Магометанка,
И я пять разъ свершаю омовенья,
И семь именъ блистательныхъ Аллы
Я каждый день съ молитвой повторяю;
Но все судьбы всесилію невѣрю.
Къ чему-же разумъ, Роксолана?

Роксолана.

Разумъ
Гнилой тростникъ великаго Пророка.

Орсана.

Кизляръ-Ага (6) идетъ сюда! — Навѣрно
Султанъ въ Гаремѣ. Я пойду на встрѣчу.

=

ВЫХОДЪ 4.

Роксолана (одна.)

Орсана, простникомъ гнилымъ Пророка
Написаны всѣ книги Алъ-Корана!
О дѣти милые, не голубицей
Невинной Роксолана рождена;
Кто знаетъ, мать Селима создана
Быть хитрымъ аспидомъ иль злобной львицей?
Что значитъ ураганъ въ пустынѣ дикой?
Что значитъ заунывный ропотъ моря? —
Стонъ матери — и только! — Ураганомъ
Я подниму пески моей пустыни
И шумнымъ моремъ страшно застенаю!
Пусть выдержитъ намѣстникъ Магомета
Стонъ матери, глубоко уязвленной;
Пусть солнечные очи Пади-Шаха
Отъ словъ моихъ не повлекутся ночью!
Для матери судьбой законъ не писанъ;
Она сама себѣ опредѣленье
Своимъ кипучимъ сердцемъ назначаетъ.
Надъ сердцемъ матери — Алла безсиленъ!

=

ВЫХОДЪ 5.

РОКСОЛАНА, СОЛИМАНЪ, КИЗЛЯРЪ-АГА и ОРСАНА.

Солиманъ.

Оставьте насъ! Я далѣ не иду.
Здѣсь все, чего ищу въ моемъ Гаремѣ.

=

ВЫХОДЪ 6.

СОЛИМАНЪ и РОКСОЛАНА.

Солиманъ.

Сними покровы, рай моихъ очей,
Моей души роскошная палата,

И сновъ моихъ единственная сказка!
Прижмись ко мнѣ — и радостной улыбкой
Дай снова чувствовать мое блаженство.

Роксолана.

Владыка!

Солиманъ.

Перестань, мой другъ прекрасный.
Здѣсь Падп-Шахъ невольникъ; — ты — Султанша;
О милый образъ гурiи Пророка,
Мнѣ страшно умереть; я сомнѣваюсь,
Что рай небесный лучше моего.
И этотъ рай — ты, лилiя Гарема!
Присядь, мой другъ; ты, кажется, устала,
Глаза покрыты тонкою слезой,
Чело горитъ, дрожатъ твои колѣни!

Роксолана.

О Солиманъ, души моей Востокъ,
Къ тебѣ творю я теплыя молитвы!
На Западѣ-ль ты подлыхъ жжешь Гяуровъ (7),
На Сѣверѣ-ль казнишь бунтовщиковъ,
Иль мутный Нилъ нечистой кровью красишь, —
Тамъ для меня и Мекка и Медина.
Молюсь тебѣ въ завѣтной тишинѣ,
Но ты не внемлешь пламенной молитвѣ.

Солиманъ.

О чемъ она? — Клянусь концами свѣта,
Клянусь звѣздой, подругой Солимана,
Клянусь Аллой, семиименнымъ богомъ,
Что я не зналъ твоей молитвы.....

Роксолана.

Небо!
А я тебя въ холодности винила.

Я думала: всесильный Солиманъ
Повсюду слышитъ слухомъ Магомета.

Солиманъ.

О если-бъ умъ мой зналъ твое желанье,
Давнымъ давно исполнилъ-бы его.
О чемъ-же, Роксолана, ты просила?

Роксолана.

Будь Пади-Шахомъ на одно мгновенье!
Мнѣ власть теперь нужна, и власть Султана...
У ногъ твоихъ...

Солиманъ.

Въ объятьяхъ, Роксолана,
Свободнѣе ты можешь изъясняться!
Скажи, скажи скорѣй твое желанье.

Роксолана.

Быть можетъ, ты не властенъ...

Солиманъ.

Роксолана,
Велишь ли Карла Пятаго сковать
И Евнухомъ въ Гаремъ къ тебѣ поставить?
Велишь-ли Океанъ, какъ ровъ, засыпать,
Испанію стереть съ лица земнаго —
И Папу Льва Десятаго поставить
На Минаретъ на мѣсто Муэзына?... (8)
Я все исполню...

Роксолана.

Нѣтъ, Калифъ всесильный!
Скромна молитва бѣдной Роксоланы;
Но съ нею связанъ жребій Роксоланы....

Солиманъ.

Ради очей великаго Пророка,
О чемъ она?

Роксолана.

Вотъ видишь, Солиманъ,
Мнѣ снился сонъ. Въ нѣмыхъ садахъ Гарема,
Двѣ гуріи, въ одеждахъ лучезарныхъ,
Гуляли. — Шла я мимо — и, предъ ними
Склонясь, молила о твоемъ здоровьи.
«Не насъ, не насъ« — воскликнули онѣ —
«Молить должна невольница Султана;
«Моли Аллу, построй ему мечеть,
«Снеси въ мечеть свои богатства, камни,
«Сребро и злато, — и въ своей мечети
«Молись о драгоцѣнномъ Солиманѣ.» —
Я подняла глаза, — но ихъ не стало.
Два облака изъ розовыхъ лучей
Неслись, какъ дымъ благоуханной амбры,
И только голосъ, словно ропотъ моря:
«Построй мечеть» — пріятно раздавался...
И расплылись лучи и сладкій голосъ,
Какъ южный вѣтръ въ листахъ, шепталъ два слова,
И умеръ, словно звукъ далекой пѣсни.
Проснулась я; въ рѣшетчатомъ окнѣ,
Сквозь пурпуръ завѣсъ, легкій вѣперокъ
Нашептывалъ видѣніе ночное;
Мнѣ все казалось: я еще во снѣ
И просыпаться не было охоты.
Въ другую ночь, опять волшебный сонъ,
Какъ въ первый разъ, роскошно повторился;
На третью ночь опять тотъ самый сонъ.

О Солиманъ! Проста моя молитва!
Дозволь исполнить повелѣнье Неба,
Дозволь, во здравіе твое и славу,
Мечеть построить и, въ своей мечети,
Молить Аллу, благодарить Аллу,

За счастіе, за милости, любовь,
Что̀ на меня столь щедро изливаешь!

Солиманъ.

Благодарю великаго Пророка!
Я смѣю плакать радостной слезой,
Благословлять мое предназначенье!
Семь женъ моихъ и тысячи невольницъ,
Сто Калифатовъ, множество побѣдъ
И пятьдесятъ шесть лѣтъ великой жизни.....
Одно мгновенье съ дивной Роксоланой
Весь этотъ чадъ названій громозвучныхъ —
Разгонитъ, уничтожитъ. — Роксолана,
Я соглашаюсь на твое желанье.
Кизляръ-Ага, Кизляръ-Ага! Сюда!

=

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ и КИЗЛЯРЪ-АГА.

Солиманъ.

Гдѣ Муфти? (9)

Кизляръ-Ага.

Долженъ быть еще въ Сералѣ.

Солиманъ.

Зови ко мнѣ!

=

ВЫХОДЪ 8.

СОЛИМАНЪ и РОКСОЛАНА.

Солиманъ.

Я поручу ему.
Пускай съ законами своихъ Улемовъ (10)
Онъ согласитъ желаніе твое, —
И вмѣстѣ мы начнемъ мечети строить:

Ты — для меня во здравіе и славу,
А я — о сохраненьи Роксоланы,
О сохраненьи счастья моего!

Роксолана.

О Солиманъ, за что Алла такъ добръ,
Такъ милостивъ къ ничтожной Роксоланѣ?

Солиманъ.

Ничтожной? Ты себя цѣнить не можешь!
Вотъ вижу, Муфти къ намъ идетъ поспѣшно;
Надѣнь покровы...

=

ВЫХОДЪ 9.

ТѢ-ЖЕ и МУФТИ.

Муфти.

Око Магомета,
По волѣ безконечной Пади-Шаха,
Я въ твой Гаремъ осмѣлился войти.

Солиманъ.

Я звалъ тебя для исполненья воли
Моей рабы любимой Роксоланы.
Она желаетъ на свои богатства
Мечеть построить. Я на то согласенъ.
Ты согласи съ законами Улемовъ
Желаніе ея еще сегодня —
И завтра мы положимъ основанье
Мечети Роксоланы.

Муфти.

Невозможно.

Солиманъ.

Что невозможно?

Роксолана (про себя.)

Сбудутся-ль мечты,
Удастся-ль мой расчетъ?!

Солиманъ.

Что невозможно?
Ты онѣмѣлъ? — Для воли Солимана
Есть развѣ въ этомъ мірѣ невозможность?
Ну, говори, чѣмъ въ мудрости своей
Ты вздумалъ ограничить Солимана?

Муфти.

Калифъ земли, Служитель Государствъ,
Ты солнце Правовѣрныхъ, ключь Востока,
Ты обладатель двухъ частей вселенной
И двухъ морей!!.. Я не могу нарушить
Закона кореннаго. Сколько разъ
Ты требовалъ на то моей присяги! —
И я клялся очами Магомета,
Достопочтенной Меккой и Мединой
И книгами великаго Пророка.....

Солиманъ.

Мудрецъ и толкователь всѣхъ сомнѣній,
Ключь къ истинѣ, блистательный фонарь
Къ сокровищамъ познанія земнаго!! (11)
Что̀ вашъ законъ? Не сказка-ли Улема,
Отъ праздности и лѣности забава?
Ты знаешь-ли, какъ понимаю я
Извитія твоихъ сѣтей законныхъ?
Я думаю, одинъ Султанскій фирманъ — (12)
И все сословіе глупцовъ Улемовъ
Законы коренные разперзаетъ.
Но въ чемъ же твой законъ?

Муфти.

Она раба.

Солиманъ.

Такъ чтожъ?

Муфти.

У насъ мечети одалиска
Не можетъ строить....

Солиманъ.

Можетъ!

Муфти.

По закону....

Солиманъ.

Я вамъ законъ, глупцы! Я повелѣлъ —
И прежде міръ съ столбовъ желѣзныхъ сдвинешь,
Чѣмъ поколеблешь волю Солимана!

Муфти.

Твои слова соблазнъ для Оттомановъ;
Калифъ ты имъ примѣръ; твои поступки
До сей поры не ссорились съ закономъ,
И цѣлый свѣтъ дивился Солиману
И славилъ умъ его и справедливость.

Солиманъ.

Я заставлялъ себя хвалить — мечемъ,
А мечь мой не притупится такъ скоро.
Не разсуждай, мудрецъ, я не Улемъ;
Не буду спорить, если глупый споръ
Могу единымъ словомъ уничтожить.
Что̀, Роксолана, что̀ съ тобой?...

Роксолана.

Увы!

Не будетъ даръ пріятенъ Магомету,
Коль онъ въ насмѣшку сдѣланъ надъ закономъ.
Нѣтъ, я раба, невольница; Пророкъ
Моихъ ничтожныхъ жертвъ не приметъ вовсе!

Судьба, судьба! Ты счастье мнѣ дала,
А право — быть за счастье благодарной
Ты отняла, желѣзная судьба!
Нѣтъ, Солиманъ, оставь законъ Улемовъ;
Не нарушай своей великой славы;
Пусть міръ тебѣ по прежнему дивится!
По крайней мѣрѣ, жертва Роксоланы
Служила къ прославленью Солимана....

Солиманъ.

О Роксолана, ты меня терзаешь!
Я слово далъ, а слово Солимана,
Какъ солнце, неизмѣнной правдой блещетъ.
Скажи мнѣ, Муфти, почему рабъ
Нельзя мечети строить?

Муфти.

По закону.

Солиманъ.

А если дамъ свободу Роксоланѣ?

Муфти.

Законъ молчитъ.

Солиманъ.

Она свободна! — Муфти,
Ты понимаешь-ли, она свободна!
Ты больше мнѣ не нуженъ. Поспѣши
И объяви слова мои Улемамъ.

=

ВЫХОДЪ 10.

СОЛИМАНЪ и РОКСОЛАНА.

Роксолана.

О Солиманъ, Пророка дивный образъ,
За что, за что!....

Солиманъ.

За доброту, за прелесть,
За набожность и за любовь ко мнѣ.
Прости, мой другъ! Дѣла мои окончу
И ворочусь блаженствовать....

=

ВЫХОДЪ 11.

ТѢ-ЖЕ и КИЗЛЯРЪ-АГА.

Кизляръ-Ага.

Великій
Визирь, Рейсъ-Эфенди и Барбаросса,
По твоему велѣнію, пришли
Въ Сераль....

Солиманъ. (обнявъ Роксолану)

Люби меня, люби меня!!
Ты слышишь, какъ трепещетъ это сердце;
Какъ я дрожу отъ преизбытка чувства;
Люби, люби!.. Еще одно лобзанье, —
До новаго, роскошнаго лобзанья.

(Кизляръ-Агѣ)

Пойдемъ, Ага блаженства моего! (13)

(Роксоланѣ)

Прости, блаженства моего святыня!!

=

ВЫХОДЪ 12.

Роксолана. (одна)

Хризула, совершилось! — Этотъ шагъ
Одной изъ двухъ насъ будетъ стоить жизни.
Но я не разбираю, гдѣ опасность,
Когда въ опасности родные дѣти!
Я также мать, Хризула! — Солимана

Я не люблю, но для дѣшей моихъ
Я буду обожать его, какъ счастье! —

Свободная жена! Увы, Хризула,
Что̀ если хитрость матери несчастной
Вѣнца своей надежды недостигнетъ? . . .
Достигнетъ! О, клянусь дѣтьми моими,
Клянусь душой и материнскимъ сердцемъ,
Я скоро стану въ пристани покойной;
Ревнивую-жъ соперницу мою,
Я выброшу на волны Океана!
И ревность — море! Такъ волнуйтесь оба,
Въ объятіяхъ другъ друга потопите!! —

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Богато убранная зала въ Сералѣ.

ВЫХОДЪ 1.

Рустенъ, Корадинъ Барбаросса, Рейсъ-Эфенди, Муфти, Капы-Ага и бѣлые Евнухи у разныхъ дверей.

Рустенъ.

Не знаю, какъ рѣшитъ Султанъ; но дѣло
Имѣетъ видъ загадочнаго сна. —
Гяуръ всегда хитеръ, какъ змѣй. Однакожъ,
Рейсъ-Эфенди, ты думаешь, Францискъ
Дѣйствительно расположенъ къ Султану.

Рейсъ-Эфенди. (14)

Пророкъ Гяуровъ не любилъ!

Рустенъ.

Я знаю;
И Солиманъ не любитъ. Но Пророкъ
Самъ въ мирѣ былъ съ Гяурами....

Рейсъ-Эфенди.

Не долго.
Карлъ Пятый смотритъ ясными очами;
Францискъ заснулъ съ невольницей въ Гаремѣ,
И думаетъ про новую рабу,
Про новыя объятья...

Рустенъ.

Все я знаю;
Но какъ-же миръ нарушить?

Рейсъ-Эфенди.

Сохранить
Еще труднѣе. — Мы обидимъ Карла,
И новая война пойдетъ.

Барбаросса.

Тѣмъ лучше!

Рейсъ-Эфенди.

Тѣмъ хуже. Не легки теперь побѣды.
Ты, Капуданъ-Паша, (15) давно-ли городъ
Иль новое селенье взялъ Гяуровъ?
Не глупы псы — и можетъ быть назадъ
Отнимутъ то, что мы мечемъ достали.
Пускай Султанъ рѣшитъ, а наше мнѣнье
Отъ договора съ Франціей далеко....

Евнухъ (у дверей).

Султанъ! (всѣ падаютъ ницъ)

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и СОЛИМАНЪ.

Солиманъ.

Возстаньте! — Капуданъ-Паша,
Привѣтствую! — Что̀, ни одной побѣды,
Могучій Барбаросса? Гдѣ-жъ Гяуры,
Что ты хотѣлъ доставить къ Рамазану...

Барбаросса.

Я обошелъ три моря, Солиманъ,
И ни одной не встрѣтилъ лодки. Ужасъ
Загналъ Гяуровъ въ пристани — и тамъ
Я истребилъ несмѣтное число
Различнаго размѣра кораблей.
Я не принесъ, Султанъ, тебѣ побѣды;
За то — отъ отдаленнаго Азова
До моего Алжира, — все — твое!

Солиманъ.

Благодарю за *воду*, Барбаросса!
Но я желалъ бы *крови* и *рабовъ*.....

Не встрѣтилъ лодки! Гдѣ-жъ Испанскій флотъ,
Назначенный для взятія Туниса?
Ты думаешь, Алжиръ твой безопасенъ?
Да! Если я дозволю пасть Тунису,
Не знаю, какъ ты защитишь Алжиръ?
А Тунисъ и Алжиръ два сновидѣнья,
Что сонъ Паши мятежнаго тревожатъ!

Ты, Корадинъ, не заходилъ въ Неаполь? —

Барбаросса.

Я обошелъ Калабрію три раза;
Сицилію опустошилъ, какъ степь —
И только Этна надъ пустой страною,

Какъ заколдованный курганъ могильный
Дымится памятью недавнихъ бѣдствій....

Солиманъ.

Я на тебя, Алжирскій ураганъ,
Какъ око дня на воздухъ, — опираюсь.
Благодарю, сто кратъ благодарю
За кровь и Сицилійскую пустыню!
Весь міръ — луна Пророка освѣщаетъ;
Все быть должно владѣніемъ Пророка.

Неаполь до сихъ поръ, въ рукахъ Испанцевъ,
Цвѣтетъ людьми и жизнью... Барбаросса,
Людей сюда! А города и села,
Луга и жатвы — обратить въ пустыню!
Пока на корабляхъ Высокой Порты
Ты не пришлешь Неаполя въ Босфоръ,
До той поры и старыя побѣды
Я буду почитать невѣрной сказкой,
Пустыми сплетнями хвастливой лѣни! —
Что море, каково?

Барбаросса.

Благопріятно.

Солиманъ.

Султанъ Алжира, вотъ моя рука!
Оставь на ней прощальное лобзанье —
И въ славный путь! Дарю тебѣ Неаполь!

(Барбаросса, поцѣловавъ руку Султана, удаляется)

=

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ БАРБАРОССЫ.

Солиманъ.

Что скажетъ Рустенъ, нашъ Визирь Великій?

Рустенъ.

Свѣтило правовѣрныхъ, я пришелъ
Узнать послѣднее твое желанье:
Дать псу Франциску — миръ или войну?

Солиманъ.

Паша Францискъ хорошій человѣкъ.
Я подарилъ ему покой и милость,
Пока онъ будетъ вѣрно намъ служить.
Тимаръ (16) его великъ, но и заслуги
Немаловажны. Я дарю ему
Медіоланъ и ласковое слово.
Пусть продолжаетъ съ Карломъ воевать,
Пока я самъ — мятежнаго Пашу
Въ мятежной Вѣнѣ не предамъ сожженью!
Карлъ завладѣлъ Германскимъ Калифатомъ,
Карлъ Пятый позабылъ, что вся земля
Принадлежитъ Намѣстнику Пророка,
Какъ Богу — небо?! — Я ему напомню
Десятою, двадцатою войною;
Я волны правовѣрныхъ Оттоманъ
Въ тимаръ его, какъ море, напущу....

И гдѣ Бѣлградъ, сей домъ святой войны, (17)
Гдѣ Буда, гдѣ Стригонія, гдѣ Альба,
Гдѣ Альтенбургъ, Венгерскія твердыни? —
Разсыпались предъ волей Солимана!

Невѣрный рабъ, въ стѣнахъ огромной Вѣны,
Въ развалинахъ я задушу тебя!
Война ему, десятая война!!
Пока я живъ, не быть упрямой Вѣнѣ
Отъ пламени и ужаса свободной!....
Богъ благъ и милостивъ! — Война! Война!
Великъ Пророкъ, великъ его Намѣстникъ!!

Рейсъ-Эфенди.

Но Родосъ снова бунтомъ закипитъ,
Воздвигнутся нечистые Морейцы,
Расколъ Персидскій снова возгорится;
Со всѣхъ сторонъ у насъ враги....

Солиманъ.

Враги!!
Благодари, что есть еще враги!
На что-же созданы Османе? — Спать
Въ Гаремахъ неприступныхъ, омываться,
Покоиться въ дыму благоуханій,
Лѣниво нѣжиться въ прохладныхъ баняхъ?!
Вотъ ночь и день потомковъ Магомета,
Который міръ вамъ завѣщалъ въ наслѣдство!!
Родосъ, Родосъ! — На Капуданъ-Пашѣ
Лежитъ спокойствіе морскаго міра!
А Персія, — еще до Рамазана,
Имамовъ (18) нашихъ, наши книги примешъ. —
Безъ этого не будешъ съ нею мира.
Морейцы.... Смерть! Проклятый мысъ Европы,
Нечестія гнѣздо, правникъ изсохшій
Растѣній ядовитыхъ.... Смерть и пламя!
Давно хочу потѣшиться въ Мореѣ
Убійственной охотой; всѣхъ мужчинъ
До одного развѣшать въ пищу птицамъ,
А женщинъ распродать нечистымъ Франкамъ!
Не я, такъ сынъ мой, Мустафа исполнитъ
Намѣренье мое; онъ понимаетъ
Откуда зло и чѣмъ предупредить....
Что, Мустафа?.. Есть отъ него послы?...

Рустенъ.

Златое солнце четырехъ странъ свѣта,
Твой мѣсяцъ отъ твоихъ лучей сіяетъ!

Онъ поразилъ Персидскія войска,
Мечь смерти онъ простеръ надъ Испаганью
И ждетъ теперь послѣдней воли Шаха.
Миръ выгодный иль страшная война
Должна окончить ихъ....

Солиманъ.

Война, война!
Не говори о мирѣ Солиману!
Война, война и Сѣверу и Югу,
Закату и Востоку! Еслибъ можно
Найти другую землю — и туда
Должна дойти войной Хоругвь Пророка!
Миръ съ Персами?! Ты знаешь-ли, Визирь,
Что Персія принять не можетъ мира,
Безъ снисхожденья моего? Но если
Мой сынъ, безумно къ Персамъ сострадая,
Задумаетъ потворствовать расколу;
То я не пожалѣю и его.
Но этому не быть, пока я живъ.
Не вѣрю я, чтобъ сынъ мой Мустафа
Самимъ собой сталъ помышлять о мирѣ.
Все это вы; васъ Франки подкупаютъ,
Вы подаете ложные совѣты,
Вы пишете отъ моего лица,
Что будто я и самъ покоя жажду.
Я знаю васъ; вамъ громы надоѣли!
Вамъ хочется плоды моихъ стараній
Сгноить бездѣйствіемъ... Нѣтъ, неудастся!
Прервите сообщенье съ Мустафою;
Никто да не посмѣетъ слова, буквы
Къ нему писать; я самъ ему отвѣчу
И обо всемъ самъ буду сообщаться.

Рейсъ-Эфенди.

Но время....

Солиманъ.

Замолчи! — Какое время?!
Рейсъ-Эфенди, ты милости лишенъ
И мѣста... Мнѣ не нуженъ дерзкій рабъ.
Не отвѣчай! Не то, увидишь фирманъ!
Капы-Ага! (19) — Визирь, надъ головой
Твоей мой гнѣвъ! Богъ милостивъ и благъ!
Въ послѣдній разъ вину твою прощаю!

(Между тѣмъ бѣлые Евнухи уводятъ Рейсъ-Эфенди)

—

ВЫХОДЪ 4.

Солиманъ, Рустенъ, Муфти, Капы-Ага съ бѣлыми Евнухами и Кизляръ-Ага.

Кизляръ-Ага.

Владыка правовѣрныхъ! Роксолана
Войти сюда желаетъ съ сыновьями. —

Солиманъ.

Что это значитъ? — Дерзкая раба! —
И ты позволилъ ей Гаремъ оставить? —
Впусти ее! — Не отвѣчай, Ага,
А голова твоя въ отвѣтѣ будетъ! —
Впусти ее! Любовь моя сильна,
Но гордость оскорбленная сильнѣе....

=

ВЫХОДЪ 5.

ТѢ-ЖЕ, РОКСОЛАНА, СЕЛИМЪ, КАЯНА и БАЯЗЕТЪ,
(въ дорожныхъ нарядахъ.)

Роксолана.

Отецъ моихъ дѣтей....

Солиманъ.

Не говори,
Умолкни, льстивая раба Гарема!
Кто право далъ тебѣ Гаремъ оставить,
Идти въ Сераль! — Надежда на любовь,
На страсть мою безумную къ тебѣ?...
Неужели не знаешь Солимана? —
Видала-ль ты, съ высотъ моихъ Кіосковъ,
Босфоръ, шумящій мутными волнами?
Измѣрила-ль ты глубину его?
Не снились-ли чудовища Босфора,
Что стерегутъ добычу у Гарема
И ждутъ въ волнахъ невольницъ непослушныхъ?

(взявъ ее за руку)

Раба, раба, кто научилъ тебя
Смѣяться надъ любовію моею?
Такъ этотъ взоръ и пламенная рѣчь
И жаръ ланитъ и персей волнованье —
Одинъ обманъ, притворство и расчетъ?!

Роксолана.

Калифъ....

Солиманъ.

Молчи; ты невидала тигра
Когда стрѣла въ его вонзится сердце!
Вотъ онъ, смотри! Но пораженный тигръ
Сильнѣе, бѣшенѣе урагана! —
О Роксолана! я тебя любилъ!
Ты дорого, невольница, заплатишь
За эти муки! Я ее любилъ,
Одну любилъ. Сними покровъ проклятый,
Взгляни мнѣ прямо въ очи.... Слезы, слезы!

О неужели ложными слезами
Ты плакать можешь.... (Роксолана безмолвно падаетъ къ погамъ Султана и вслѣдъ за тѣмъ слышны глухіе стоны и рыданія)

Я тебя обидѣлъ?

Нѣтъ, я несправедливъ; встань, Роксолана!
Быть можетъ, ты ко мнѣ имѣешь дѣло,
Которое сильнѣе всѣхъ законовъ.
Быть можетъ, зависть женъ моихъ, невольницъ,
Тебя принудили законъ нарушить
И броситься въ Сераль, въ соблазнъ Османамъ.

(Роксолана встаетъ)

Скажи скорѣй! Клянусь моей любовью,
Клянуся неба яркой синевой,
Клянуся гробомъ нашего Пророка,
Я буду справедливымъ...

Роксолана.

Справедливымъ?!

О будь-же справедливымъ, Идолъ Міра!
Я не безъ права вышла изъ Гарема...
Свободная жена — ужъ не рабыня.
Я не могу уже между невольницъ
Спокойно оставаться и съ мужчиной, —
Хотя бы тотъ мужчина былъ Пророкъ, —
Я не могу восторгамъ тайнымъ страсти,
Отраднымъ наслажденьямъ предаваться!
Я не раба. Законъ не позволяетъ
Женѣ свободной быть въ твоемъ Гаремѣ,
Между невольницъ... Такъ Пророкъ велитъ;
Могу-ли я законъ его нарушить?!..

Солиманъ.

Громъ можетъ уничтожить человѣка
И онъ нечувствуетъ ужасной смерти,

А я убитъ — и чувствую кончину, —
И вижу пожирающее пламя,
И медленно горю и не сгорю!!
Померкъ остатокъ жизни Солимана!
Я весь Гаремъ обрушу въ волны моря!
О псы! Зачѣмъ въ глаза мои глядите?
Вамъ по сердцу несчастье Солимана!
Пророкъ, изъ зависти къ моимъ побѣдамъ,
Перемѣнилъ стихи моей Судьбы
И адъ мнѣ, вмѣсто рая, предназначилъ! —
А говорятъ, что Пади-Шахъ всесиленъ....
Единый стихъ ужаснаго Корана,
И Пади-Шахъ слабѣе паутины!
Что мнѣ Коранъ, когда мое блаженство
Заключено въ прекрасной Роксоланѣ!....
Роскошная долина наслажденій,
Благоуханіе завѣтной розы! —
Пускай Пророкъ возметъ мой Истамболъ,
Эдрену, Бруссу, Сирію, Египетъ....
Но я тебя не дамъ его закону!
Пускай ревутъ безумные Улемы,
Пускай Алла сойдетъ съ своимъ Пророкомъ,
Но ты — моя! — И громъ тебя не вырветъ
Изъ пламенныхъ объятій Солимана!

(обнявъ ее)

Она моя, вы слышите, моя!!

Роксолана (вырвавшись изъ его рукъ)

Оставь меня! Ужасная свобода!
Я не могу къ твоей груди прижаться,
Къ груди отца моихъ дѣтей... Прости!
Оставь меня! Душа моя погибнетъ

За нарушеніе стиховъ Корана.
Люблю тебя, но грозный Магометъ
Насъ разлучилъ молніеноснымъ словомъ....
О дѣти милые, вотъ вашъ отецъ;
Но вы со мной должны его покинуть!

Солиманъ.

Нѣтъ, никогда! — Когда любовь твоя
На страсть мою отрадно отвѣчаетъ,
Какъ море на могучій грохотъ грома;
Ты не оставишь Солимана; нѣтъ,
Ты не покинешь тихаго Гарема,
Гдѣ столько лѣтъ, алмазная звѣзда,
Ты украшала небо Солимана!

Роксолана.

Я не могу! Законъ Аллы всесиленъ,
Какъ самъ Алла. — Я не могу!...

Солиманъ.

Не можешь?
Ты видишь-ли, кругомъ толпа рабовъ!
Ты знаешь, есть замки, темницы, цѣпи!
Я не привыкъ встрѣчать сопротивленья....

Роксолана.

Жги, рѣжь меня за страстную любовь!
Души въ заклепахъ смрадныхъ заключенья,
За восемьнадцать лѣтъ любви, восторговъ!
Къ кому ты уходилъ, неблагодарный,
Обрызганный Гяуровъ черной кровью?
И у кого ты отдыхалъ на персяхъ
Отъ неудачь и отъ побѣдъ великихъ?
Кто ушѣшалъ тебя игривой пляской
Во время сонной грусти пресыщенья?
Я, Солиманъ, одна въ твоемъ Гаремѣ

Была твоей единственной подругой!
Семь женъ твоихъ, любимая Султанша,
Ревнивая Хризула, всѣ рабы....
Ты ихъ незналъ, Намѣстникъ Магомета!
Одной довольно было Роксоланы,
Чтобъ грусть и радость сладко раздѣлять! —
Свободы не искала Роксолана:
Ты самъ ее неосторожно бросилъ
На горе мнѣ и дѣтямъ на несчастье.
Теперь сама я чувствую потерю;
Но неба промѣнять нельзя на землю,
И снова быть рабой твоей не смѣю!

Солиманъ.

Пророкъ проститъ....

Роксолана.

Я не прощу себѣ.
Грѣхъ матери на дѣтяхъ отзовется.
Люблю тебя, но для моихъ дѣтей
Для ихъ спокойствія — рабой Гарема
Я не могу остаться. Мать, не дѣва;
Обязанности у нея другія....

Солиманъ.

Напрасны разсужденья, Роксолана!
Я положилъ, а воля Солимана
Свята, какъ книга предопредѣленій!

Роксолана.

Нѣтъ, ни за что я не войду въ Гаремъ твой!
(вынявъ талисманъ съ отравою)
И прежде этотъ горькій ядъ — приму,
Съ надеждой на вниманіе Пророка
Къ необходимости насильной смерти,
Чѣмъ перейду рабою незаконной

Порогъ Гарема твоего. А если
Отрава не подѣйствуетъ незапно,
Я брошусь въ волны мутнаго Босфора,
Иль собственныя перси разтерзаю
Вотъ этими холодными руками —
И вырву сердце вмѣстѣ съ чистой жизнью! —
И самъ Пророкъ къ грѣху меня не склонитъ.
Люблю тебя, и пламенно люблю,
Но тяжкій грѣхъ — спрашнѣе Солимана!

Солиманъ.

Всему конецъ! Конецъ войнѣ и миру!!
Конецъ мечтамъ роскошныхъ удовольствій
И призраку блаженства моего!
Мнѣ плакать?! Солиману горько плакать?!
Что скажетъ изумленный міръ? Пророкъ,
Что скажешь ты, мои увидѣвъ слезы?
И самъ Алла съ презрѣньемъ улыбнется
Несчастной слабости души могучей!
Заплачу я, заплачу, — но со мною
Заплачетъ міръ кровавыми слезами!
(обращаясь къ придворнымъ)
А вы, рабы несчастнаго Калифа....
А! Муфти, ради неба, Муфти, Муфти!
Теперь, мудрецъ, развій свой умъ широкій
И обернись змѣей вокругъ законовъ!
Могу-ли я оставить Роксолану
Въ моемъ Гаремѣ?

Муфти.

Нѣтъ.

Солиманъ.

Прости, жена.
Я мудреца повѣшу, а тебя
Я долженъ отпустить; законъ всесиленъ!

Роксолана.

Я и пришла за тѣмъ, чтобы проститься!
Чтобы еще разъ солнечные очи,
Моей любви блистательныя звѣзды, —
Увидѣть, показать ихъ милымъ дѣтямъ,
Залогамъ сладостныхъ воспоминаній,
И въ путь итти къ достопочтенной Меккѣ!

Отецъ, благослови своихъ дѣтей!
Быть можетъ смерть въ пустынѣ Аравійской
Меня и ихъ, свирѣпая, постигнетъ!
Умремъ, безъ твоего благословенья!...

Солиманъ.

Ты плачешь, Роксолана?

Роксолана.

О Пророкъ,
Прости мой ропотъ на стихи Корана!
Мнѣ-ль не рыдать? Что я теперь теряю?
Чѣмъ будетъ жизнь моя и жизнь дѣтей?
Прости, Калифъ, въ послѣдній разъ прости!
Предчувствую, что сердце Роксоланы
Не вынесетъ убійственной разлуки!
Прости, заря туманнаго заката!...

Солиманъ.

Въ послѣдній разъ, мудрецъ, въ послѣдній разъ
Я спрашиваю: есть-ли средство?

Муфти.

Есть!!
Благодарю за память Магомета!
Есть, Паши-Шахъ! — Обычаи Гарема
Тому противны, но законъ Пророка
И Фетвы Муфти..... (20)

Солиманъ.

Но какое средство?

Муфти.

Изъ женъ своихъ — ты отпусти одну,
А съ Роксоланой въ бракъ вступи законный:
Безмолвствуютъ въ семъ случаѣ законы.

Солиманъ.

Благодарю, блистательный мудрецъ!
Пиши условье брака: Солимана
Съ свободной Роксоланой! — А Хризула
Отпущена! — Вотъ первая Султанша!
Вы слышите, любимая Султанша!
Падите ницъ предъ небомъ Солимана!
(обнявъ ее)
Душистый цвѣтъ роскошнаго полудня,
Ты снова — мой!! — Пируйте, Оттомане!
Весь Испамболъ огнями освѣтите! —
Она — моя!! Богъ милостивъ и благъ!
Великъ Пророкъ, великъ его Намѣстникъ!!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

АКТЪ ВТОРОЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ Амазіи (21). Зала въ Амазійскомъ Сералѣ.

ВЫХОДЪ 1.

Мустафа, Ахметъ-Паша, Гуссейнъ-Паша и Муфти, входятъ.

Мустафа.

Окончена молитва. Надо думать
О Персіи. Что Шахъ? Пословъ не шлетъ?
А Падп-Шахъ неотвѣчаетъ! Трудно
Рѣшиться на послѣднюю войну,
Еще труднѣе приступить къ союзу,
Безъ воли Солимана. — Но, Паши,
Вы удержите пламя разрушеній!
Довольно, кажется, огня и крови. —
Я знаю мысль великаго отца; —
Да сохранитъ его Пророкъ! — онъ хочетъ
Весь свѣтъ раздать въ Тимары Оттоманамъ. —
Благая мысль! Да освятитъ Алла
Великія его предначертанья!
Я слышалъ, что Паша его Карлъ Пятый
Осмѣлился зайти въ Тунисъ далекій,
Разсѣялъ Корадина Барбароссу
И овладѣлъ Туниссимъ Калифатомъ...
Но кончится Персидская война,
Я испрошу согласье Солимана
Итти войной на дерзкаго Испанца. —

Мятежникъ, онъ смирится предъ Пророкомъ,
Иль свой Тимаръ огромный потеряетъ.

(послѣ краткаго молчанія)

Неужели ни корабля, ни лодки
Не приходило изъ Босфора? — Вѣсти
Нѣтъ никакой? — Что̀, въ древнемъ Истамболѣ?
Собрался-ли Великій Солиманъ
На Венгрію, Тунисъ или на Вѣну?
Не прилеталъ-ли голубь легкокрылый?

Ахметъ-Паша.

Амазія отъ моря далекà.
Съ утра еще послалъ я двухъ рабовъ
Верхами на коняхъ на берегъ моря,
И наказалъ: едва завидятъ парусъ,
Одинъ-бы поспѣшилъ въ твою столицу,
Другой-бы ожидалъ на берегу
Прихода корабля — и далъ намъ знать:
Откуда, кто, зачѣмъ?...

Мустафа.

Благодарю! —
Да, эта неизвѣстность безпокоитъ.
Объ матери уже четвертый мѣсяцъ
Я ничего не слышу; объ отцѣ
Послѣдній разъ писалъ Визирь, но краткo;
Да и тому ужъ будетъ двѣ недѣли.
Постой, Визирь! — Да сохранитъ Пророкъ
Великаго Отца, но если Богу
Угодно дать мнѣ Оттоманскій скипетръ,
Коварный рабъ, ты мой увидишь фирманъ!
Ахметъ-Паша, тебѣ я назначаю
Блистательную Порту въ награжденье, —

За тяжкія заслуги Государству!
Гуссейнъ-Паша, ты будешь Рейсъ-Эффенди,
Ты — Муфти Истамбола! Но пока
Рѣшитъ Пророкъ желанья Мустафы,
Вы не слабѣйте въ подвигахъ великихъ
И къ подвигамъ важнѣйшимъ приучайтесь!
Свѣтъ долженъ быть Тимаромъ Оттомановъ.

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ КАПЫ-АГА и КИЗЛЯРЪ-АГА

Амазійскаго Сераля.

Капы-Ага.

О радуга Османовъ правовѣрныхъ!
По твоему великому велѣнью,
Остановили наши янычары,
При входѣ въ городъ, караванъ.

Мустафа.

Откуда!

Капы-Ага.

Изъ Мекки, свѣтлый образъ Солимана,
Поклонники идутъ на Трапезондъ,
Отъ гроба Магомета!..

Мустафа.

Что-жъ? Проси!
Обычай Мустафы тебѣ извѣстенъ.
Распорядись о пищѣ и напиткахъ;
Пусть отдохнутъ въ Сералѣ Амазійскомъ,
Здоровой пищей укрѣпятся. Стыдно
Поклонниковъ оставить безъ пріема
И угощенья... Всѣхъ проси сюда.

=

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ КАПЫ-АГИ.

Мустафа.

Амазія есть садъ плодовъ Востока
И сладкихъ винъ — роскошная долина. (22)
Да не дерзнетъ мимоидущій путникъ
Гостепріимства правила нарушить!

=

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ, КАПЫ-АГА и Молельщики.

Мустафа.

Привѣтствую поклонниковъ Пророка,
Достопочтенной Мекки и Медины!
Пріятенъ мнѣ приходъ вашъ; успокойтесь!
Въ садахъ-ли, подъ навѣсами кіосковъ,
Иль межъ цвѣтовъ и лиственницъ кудрявыхъ,
Или въ стѣнахъ прохладнаго Сераля
Хотите отдохнуть?.. Все вамъ открыто!

Вели, Ага, имъ изготовить бани,
Открыть мечети, утолить ихъ голодъ
И жажду. — Путешественникъ — хозяинъ
Не только въ хижинѣ, но и въ Сералѣ.
Распоряжайтесь, какъ кому угодно!

Имамъ.

Благодаримъ тебя, благословляемъ
Внукъ бога и племянникъ Магомета,
Зане Султанъ во братствѣ съ Магометомъ!

Дервишъ.

Имамъ, оставь напыщенную рѣчь!
Мнѣ богъ открылъ, а я ему открою
Его судьбы блистательный конецъ.

Еще луна роговъ не потеряетъ,
Какъ ты уже возсядешь въ облакахъ
Небесной славы града Истамбола
И, поклонясь достопочтенной Меккѣ,
Мединѣ несравненной, Арарату,
Ерусалиму и горѣ Синайской,
На подлинникъ скрижали Алъ-Корана,
Что предъ Аллой отверзшая лежитъ,
Алмазными очами зорко взглянешь,
Прочтешь судьбу Султановъ Истамбольскихъ
И міръ — полой твоей одежды ясной
Накроешь, какъ засохшій муравейникъ. —
Задохнутся Гяуры, а Османе
Десятымъ поколеньемъ разродятся!
Хвала Аллѣ! Хвала его Пророку!
Хвала, хвала служителямъ Пророка!
Хвала тебѣ, великій Мустафа! —

=

ВЫХОДЪ 5.

ТѢ-ЖЕ и РАБЪ.

Ахметъ.

А вотъ мой рабъ... Что слышно?

Рабъ.

Отъ Заката
Идетъ корабль о двухъ большихъ вѣтрилахъ;

Онъ близко присшани — и можешъ быть
Уже достигъ конца своей дороги! —

=

ВЫХОДЪ 6.

ТѢЖЕ и ВТОРОЙ РАБЪ.

Второй Рабъ.

Владыка Азіи Большой и Малой!
Хризула, мать твоя на кораблѣ
Пріѣхала; теперь она въ пути
Къ Амазіи....

Мустафа.

Я мать мою увижу?!..
Семь лѣтъ прошло, какъ блескъ ея очей
Я вижу только въ темныхъ сновидѣньяхъ!
Поклонники, благословенъ приходъ вашъ;
Какъ птицы, благовѣстницы весны,
Вы принесли мнѣ рай изъ дальней Мекки!
Поклонникамъ по десяти султанинъ (25)
И каждому на десять дней пути
Приличной пищи! — Добрый Солиманъ!
Ты не хотѣлъ отъ войска взять меня
И въ Истамболъ пріѣхать не дозволилъ:
Но мать послалъ для сладкаго свиданья!

Кизляръ-Ага, въ Гаремѣ Амазійскомъ
Какъ помѣстить намъ свѣтлую Хризулу?
Бѣги скорѣй очистить тѣ покои,
Что окнами на Сѣверъ; тамъ прохладнѣй;
Вездѣ разставь душистые цвѣты;
Курильницы съ благоуханной амброй;

У оконъ есть фонтаны, отвори!
Пусть тѣшатъ очи, прохлаждаютъ перси!

Бѣги, ты не успѣешь приготовить!
Вели сломать рѣшетчатыя окна!
Для матери обидно быть подъ клѣткой!...
Чего-жъ стоишь? Я все сказалъ! Бѣги!...

=

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ КИЗЛЯРЪ-АГИ.

Мустафа.

Что, посланы, Капы-Ага, верблюды?

Капы-Ага.

Нѣтъ...

Мустафа.

Такъ чего-жъ ты медлишь, дерзкій рабъ?
На чемъ-же ей въ Амазію пріѣхать?!...

=

ВЫХОДЪ 8.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ КАПЫ-АГИ.

Мустафа.

Молельщики достопочтенной Мекки,
Не удивляйтесь радости моей,
Я матери своей семь лѣтъ невидѣлъ.
Ахметъ-Паша, Гуссейнъ-Паша, спѣшите
Народу, войску радость объявить!
Пріѣхала къ намъ первая Султанша,
Любимая Султанша Солимана!
Неслыханный, невиданный примѣръ!

Возмите шесть иль семь мѣшковъ піастровъ,
Раздайте бѣднымъ, пусть Пророка молятъ
О сохраненьи здравія Султана,
Великаго Намѣстника Пророка!

=

ВЫХОДЪ 9.

МУСТАФА и Молельщики.

Мустафа.

Не долго ждать; а сердце у меня',
Какъ струны подъ рукой нетерпѣливой
Дрожатъ въ раззвучьяхъ....

=

ВЫХОДЪ 10.

ТѢ-ЖЕ и КАПЫ-АГА.

Мустафа.

Что̀, Капы-Ага?

Капы-Ага.

Второе солнце Оттомановъ! Матерь
Твоя Хризула у воротъ Сераля!

Мустафа.

На встрѣчу къ ней, Капы-Ага, на встрѣчу!

=

ВЫХОДЪ 11.

Молельщики.

Дервишь.

Великъ Пророкъ! Онъ землю разостлалъ
Цвѣтнымъ ковромъ — и самъ на томъ коврѣ

Сталъ на колѣни совершать молитвы.
Алла любилъ Великаго Пророка
И показалъ ему скрижаль Корана.
А въ той скрижали, кромѣ правилъ вѣры,
Есть тайныя судьбы всего Востока:
Тамъ видѣлъ Магометъ и Солимана
И Мустафу... Великій Солиманъ
Покрылъ полъ-міра Оттоманской саблей;
А Мустафа — другую половину
Блистательно, торжественно покроетъ —
И сбудется тотъ знаменитый стихъ:
«Земля твоя; а небо надъ землею
Оставилъ я тебѣ на случай смерти». —

Имамъ.

Подай ему Пророкъ всѣ блага жизни! —

Дервишъ.

Судьба его въ семидесяти буквахъ,
Всѣ буквы сложены изъ разноцвѣтныхъ,
Небесныхъ камней; передъ каждой буквой
Сидитъ ея хранитель, дивный ангелъ,
И обметаетъ пыль перомъ жемчужнымъ. —

Молельщики.

Чудесно!!

Дервишъ.

А вокругъ его особы
Сто сорокъ ангеловъ посмѣнно ходятъ,
Снимаютъ потъ съ чела его устами,
Пушистыми крылами прохлаждаютъ.
Когда-жъ заснетъ, они безмолвно держатъ
Надъ нимъ шатеръ прозрачныхъ сновидѣній. —

Молельщики.

Чудесно!!

=

ВЫХОДЪ 12.

Мустафа, Хризула, Кизляръ-Ага, Капы-Ага и Молельщики.

Мустафа.

Здѣсь любимый мой покой,—
Войди сюда! — Поклонники Пророка,
Отдайте честь супругѣ Солимана!

Хризула.

Постой, неговори! Но предъ людьми
Стыдъ объявить... Ужасное страданье!

Мустафа.

Капы-Ага! Поклонники безъ пищи,
Безъ отдыха! Прибытіе Хризулы
Законъ гостепріимства не нарушитъ.
Идите съ нимъ, молельщики! — Ага,
Передъ отходомъ, я хочу ихъ видѣть!

=

ВЫХОДЪ 13.

Мустафа, Хризула и Кизляръ-Ага.

Мустафа.

Сними покровы, добрая Хризула!
До сей поры одни глаза твои
Мнѣ счастіе мое напоминали!

(Хризула снимаетъ покровы и обращаетъ на Мустафу глаза полныя слезъ)

Блѣдна! Въ слезахъ потусклые глаза!
Всѣ признаки безмолвнаго страданья!

О матерь, матерь, для того-ли ты
Столь быстро разсѣкала волны моря,
Что-бъ сына поразить незапнымъ страхомъ!

Хризула (заливаясь слезами и обнимая его)

Плачь, плачь, мой другъ!

Мустафа.

Кто можетъ не заплакать?
Кого не разорвутъ твои стенанья?
Не радостныя слезы проливаешь;
Кто этого не видитъ? О Хризула!
Не ужели сынъ первый Солимана
Безсиленъ пособить твоимъ несчастьямъ?

Хризула.

И самъ Пророкъ безсиленъ! — Мустафа,
Склони блистательныя очи долу;
Я не могу на нихъ смотрѣть... О сынъ мой,
Молитвой укрѣпи твой нѣжный разумъ
И съ трепетомъ внемли моимъ рѣчамъ.

Я лишена названія Султанши,
Нарушены законы Магомета,
Я выгнана изъ тихаго Гарема,
Отпущена....

Мустафа.

Отпущена? — За что?
Какое преступленье? —

Хризула.

Преступленье?!
О, не могу припомнить хладнокровно
Всѣхъ оскорбленій дерзкой Роксоланы!

Вся кровь во мнѣ волнуется при мысли,
Что мнѣ раба предпочтена.....

Мустафа.

Раба?
Но развѣ онъ въ рабѣ своей не властенъ?

Роксолана.

Кто — Солиманъ? — Тѣнь бога на землѣ
Онъ рабъ рабы, игрушка Одалиски,
Онъ опахало хитрой Роксоланы!

Мустафа.

Не говори, Намѣстникъ Магомета,
Владыка правовѣрныхъ, божье солнце,
О немъ нельзя съ насмѣшкой говорить!

Хризула.

Погибни онъ, Султанъ клятвопреступный,
Гнилое древо, проклятое богомъ,
Чудовище морское...

Мустафа.

Матерь, матерь!

Хризула.

О Мустафа! Легко тебѣ смотрѣть
На слезы, на мученія Хризулы,
Но выпей горечь хоть одной слезы,
Такой слезы и ты уже отравленъ! —
Безъ преступленья, безъ вины, порока,
Безъ слабости, безъ ропота, безъ слезъ,
Я восемьнадцать лѣтъ терпѣла горе.

Ты видишь-ли, какъ плоть моя изсохла!
Гдѣ пурпуръ устъ, гдѣ бѣлизна ланитъ
Гдѣ лоскъ чела, очей блестящій пламень?
Ихъ высосала подлая раба
Улыбкой торжества и злой насмѣшки!
Сынъ, сладкій плодъ любви когда-то сладкой,
Мечта ночей безсонныхъ, одинокихъ,
Повѣришь-ли, что въ восемьнадцать лѣтъ
Я невидала ложа Солимана,
Не выпила единаго лобзанья,
Жила, какъ червь заглохшаго болота,
Полураздавленный, полузгнившій.

Мустафа.

О горе!

Хризула.

Горе! Еслибъ только горе?!
Кто больше женщины спрадать умѣетъ?
Но если стыдъ передъ толпой невольницъ,
Презрѣніе евнуховъ, дерзкихъ карлъ
Замысловатыя насмѣшки; ревность
Безсильная... Охъ! Этотъ страшный адъ
Былъ душною обителью Хризулы! —

Мустафа.

Ребенкомъ я оставилъ Испамболъ!
Семь лѣтъ меня въ Европу не пускали,
Такъ вотъ за чѣмъ могучій Солиманъ
И къ первенцу былъ столько равнодушенъ!
Страсть къ Одалискѣ; вотъ ничтожный поводъ
Моихъ побѣдъ и одинокой грусти!
Востокъ привыкъ смотрѣть на Солимана,
Какъ на второго Магомета; люди

Боялись находить въ немъ недостатки;
А онъ, любя, любви своей стыдился;
Онъ восемьнадцать лѣтъ законъ Мослимовъ
Заботливо, усердно сохранялъ...
Теперь привыкъ къ стыду — и Одалиска,
Безъ преступленья, безъ вины Султанши,
Похитила ея святое право.
Мстить не могу, мстить не хочу отцу,
Но Солиманъ еще великъ, Хризула;
Онъ тронется слезами Мустафы,
Богатыми дарами умягчится! —

Хризула.

Будь остороженъ перлъ послѣдній мой!
Ты можешь погубить себя....

Мустафа.

Погибну,
Иль мать моя опять Султаншей будетъ!

Хризула.

Но что за мысль? Скажи мнѣ откровенно
Намѣренье твое...

Мустафа.

Весьма простое;
Я ѣду въ Истамболъ.

Хризула.

Пророкъ великій!
Ты смерти ищешь....

Мустафа.

Смерть не въ нашей власти.
Начертанъ жребій мой въ скрижали вѣчной,
Кто силенъ измѣнить его?

Хризула.

О другъ мой!
Но ты завѣтъ отца нарушишь...

Мустафа.

Да!
Но Солиманъ другой завѣтъ нарушилъ.
Ручаюсь, онъ не упрекнетъ меня!
Что̀, развѣ Солиманъ Великолѣпный,
Великій, справедливый Солиманъ,
Безчувственнѣе звѣря? О Хризула —
Ты мать, — я сынъ, мы оба понимаемъ,
Что значатъ кровныя, святыя узы; —
И Солиманъ ихъ позабыть не можетъ.

Но я къ нему предстану, какъ къ Султану!
Я принесу великій даръ: побѣду,
Три государства, сотню городовъ,
Два моря и рабовъ до милiона!
Пусть Солиманъ отвергнетъ Мустафу,
Тогда Пророкъ отвергнетъ Солимана.

Хризула (глядя на сына съ умиленiемъ)

Великъ, могучь, великодушенъ, славенъ!
И это сынъ — *отверженной* Хризулы!!
Презрѣнная раба, твоимъ ли дѣтямъ
Запомнить мое алмазное рожденье?
Твоимъ-ли гадамъ — очи Падп-Шаха
Сомнѣньемъ ядовитымъ омрачить?
Иди, мой сынъ! Въ обширномъ Истамболѣ
Явись звѣздой величiя и славы!
Пусть зашипитъ коварный змѣй Гарема!
Онъ бросится кипящею отравой
Облить тебя, — но шумъ твоихъ побѣдъ,

Твоей души небесная невинность
И слава дѣлъ твоихъ и кротость нрава
Завистливыя опуманишъ очи
И съ пискомъ — гадина въ кольцо свернется.

Мустафа.

Да сохранитъ тебя Пророкъ великій
Въ отсутствіе мое! — Кизляръ-Ага,
На головѣ твоей я оставляю
Спокойствіе и выгоды Хризулы!
Весь мой Сераль въ ея распоряженьи! —
Прости-же, тайная моя молитва!

Хризула.

Прости, мой перлъ!

Мустафа.

Быть можетъ... Ахъ, Хризула,
На небесахъ невинность торжествуетъ,
А на землѣ?... Прости, моя денница! —

Хризула.

На долго-ли?

Мустафа.

На свѣтѣ все не долго.
Проплакать жизнь иль просмѣяться жизнь —
Одно и тоже. Небо днемъ и ночью
Предъ нашими очами распростерто;
Не знаешь только: гдѣ въ него дорога?
Вѣдь эта жизнь, написано въ Коранѣ,
Запасъ для жизни вѣчной, а земля —
Подножіе небесъ.... Прости, Хризула!
Плачь на груди моей! Пусть эти слезы
Заговорятъ со мной предъ Солиманомъ!

Хризула.

Проспи, мой сынъ! Подъ кораблемъ шивонмъ
Пусть ангелы разгладятъ волны моря!
Да окружатъ тебя веселымъ сномомъ
И неотступно стерегутъ покой твой!

=

ВЫХОДЪ 14.

Мустафа (одинъ, схвативъ коврикъ, бросается на колени, и, кланяясь на обѣ стороны, говоритъ:)

Ангелъ жизни, ангелъ смерти!!
Васъ Алла семименный
Посылаетъ къ человѣку,
Да, принявъ его молитвы,
Вознесли-бъ ихъ въ небеса!

Ангелъ жизни, вотъ молитва,
Дай надъ Персами побѣду,
Парусъ вздуй попутнымъ вѣтромъ,
И, предъ гордымъ Солиманомъ,
Дай очамъ моимъ смиренье,
Сердцу хладнокровный разумъ,
А разсудку жаръ и чувство! —
Ангелъ жизни, на уста
Положи перстомъ прозрачнымъ
Убѣдительное слово. —
Ангель смерти, если жребій
Не назначилъ мнѣ успѣха
Въ дѣлѣ матери несчастной,
Ускори мою кончину —
И не дай мнѣ въ этомъ свѣтѣ
Видѣть бѣдную Хризулу!

Ангелъ жизни, ангелъ смерти,
Улетайте въ ваше небо
И несите двѣ молитвы
На судилище Пророка?
Улетайте, улетайте!! (вставъ)
Капы-Ага!

=

ВЫХОДЪ 15.

МУСТАФА и КАПЫ-АГА.

Мустафа.

Зови Пашей ко мнѣ!

Капы-Ага.

Они ужъ здѣсь; ждутъ только дозволенья
Войти къ тебѣ.

Мустафа.

Зови!

=

ВЫХОДЪ 16.

ТѢ-ЖЕ, АХМЕТЪ-ПАША и ГУССЕЙНЪ-ПАША.

Мустафа (про себя.)

Пророкъ великій!
Еще одну единую побѣду,
Три ясныхъ дня, юговосточный вѣтеръ
И только!! (громко) Что, готово-ль ваше войско?

Ахметъ.

Готово.

Мустафа.

Нѣтъ изъ Персіи отвѣта?

Ахметъ.

Нѣтъ.

Мустафа.

Конченъ срокъ пощады малодушной!
Теперь нужна еще одна побѣда!
— На Испагань! — Капы-Ага, коней!!

(Капы-Ага уходитъ поспѣшно; за нимъ и всѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Въ Истамболѣ. — Покои любимой Султанши.

=

ВЫХОДЪ 5.

РУСТЕНЪ и двое НѢМЫХЪ у дверей.

Рустенъ (про себя)

Какъ приметъ Роксолана мой приходъ?
Пророкъ, вложи въ уста мои пріятность
Краснорѣчивыхъ словъ и выраженій!
Отъ ней погибъ могучій Ибрагимъ,
Визирь, — великій именемъ и дѣломъ.
Тогда она была еще рабой, —
Теперь Султанша; слово устъ Султанши —
И я погибъ съ Блистательною Портой,
Съ довѣренностью полною Султана!

= (смотря въ окно

Ужъ скоро часъ, какъ Солиманъ поѣхалъ
Въ Скутари (24); Каиковъ (25) его не видно....
А Роксолана не выходитъ. — Долго-ль
Мнѣ ждать ея? — Раба, ты позабыла,
Что я могущь, прославленъ и любимъ
Великимъ сыномъ Солимана.... Время
Заключено въ скрижали неизмѣнной?...
Быть можетъ буря, иль кинжалъ убійцы,
Подкупленнаго Карломъ или Папой.....

Неосторожень Солиманъ.... Что, если
Прославленный Пророкомъ Мустафа.....

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и РОКСОЛАНА (безъ покрововъ)

Роксолана.

Въ нѣмыхъ рабахъ я не имѣю нужды! —

=

ВЫХОДЪ 3.

РОКСОЛАНА и РУСТЕНЪ.

Роксолана.

Ты дерзокъ, Рустенъ! Требовать свиданья
Съ любимою Султаншей Солимана!
Войти безъ позволенья Пади-Шаха,
Въ Гаремъ, куда не смотрятъ божьи звѣзды,
Куда орелъ не залетитъ безкарно....
Ты не жалѣешь, Рустенъ, головы.

Рустенъ.

Законъ не запрещаетъ, свѣтъ Гарема,
Входить въ твои завѣтныя покои!
Гаремъ рабынь закрытъ для Оттомановъ,
Но не Гаремъ жены законной....

Роксолана.

Знаю,
Но что за цѣль?

Рустенъ.

Одинъ Калифъ Востока
Нежданно былъ недугомъ пораженъ.
Багдадскіе врачи употребили
Всѣ средства имъ извѣстныя; напрасно!

И умиралъ Калифъ, и на закатѣ
Великихъ дней, — велѣлъ себя отнесть
Въ сады Гарема. — Мрачною толпой
И жены и невольницы стѣснились
Вокругъ постели блѣднаго Калифа
И ложными слезами обмывали
Его меркнѣющее тѣло. Дико,
Безчувственно на неупѣшныхъ женъ
Калифъ глядѣлъ недвижными очами, —
И смерть, какъ черная завѣса, тихо,
Торжественно къ недужному сходила....
Какъ вдругъ идетъ невинная дѣвица,
Забытая, презрѣнная рабыня,
Увядшая безъ ласки и восторговъ.
До той поры Калифъ рабы своей
Не удостоивалъ и сожалѣньемъ.
Она несла въ рукахъ сосудъ съ водой
И подходя къ недужному, молилась.
Глаза ея алмазными слезами
И чуднымъ выраженіемъ блистали.
Склонясь къ постели, робкою рукой
Рабыня вынимаетъ изъ сосуда
Завѣтный талисманъ и на чело,
Уже покрытое холоднымъ потомъ,
Кладетъ его, дрожа. — Калифъ воскресъ!
Испуганныя жены разбѣжались;
Одна невольница у ногъ Калифа
Небеснымъ умиленіемъ сіяла; —
И съ той поры забытая раба
Единственной женой была Калифа.
Востокъ желалъ спасительницу видѣть
И никому Калифъ не воспрещалъ.
Она жила, какъ ты, въ своемъ Гаремѣ

И отъ рабовъ великаго супруга
Дары и поздравленья принимала: —

Роксолана.

Ты помнишь окончанье этой сказки?

Рустенъ.

Здѣсь и конецъ, мнѣ кажется. —

Роксолана.

О нѣтъ!
Ты помнишь Ибрагима....

Рустенъ.

Мой предмѣстникъ,
Какъ мнѣ его не помнить?

Роксолана.

Ибрагимъ
Разказывалъ другой конецъ Султану,
Онъ говорилъ, что дѣва съ талисманомъ
Была колдуньей, и спасла Калифа,
Чтобъ извѣсти всѣхъ женъ его любимыхъ
И самого убить отравой тайной,
Чтобъ сдѣлаться скорѣй Валидъ—Султаншей! (26)
Не такъ-ли, Рустенъ?

Рустенъ.

Этого конца
Я не слыхалъ. Безумный Ибрагимъ
Любилъ и сказки сказкой разширять.

Роксолана.

Ты этого не любишь.

Рустенъ.

Не люблю.
Мнѣ нѣкогда выдумывать обманы.
Скажу тебѣ, Султанша, откровенно,
Что я въ дѣла Гарема не мѣшаюсь.

Роксолана.

Я это вижу.

Рустенъ.

Если мой приходъ
Наводитъ тѣнь сомнительной догадки,
То я погибъ... Не думай, цвѣтъ Востока,
Младой зари живительный румянецъ,
Что я хочу препятствовать тебѣ
Въ путяхъ къ душѣ и сердцу Солимана!
Тамъ все твое! Я знаю, Роксолана;
Какъ молнія, неизмѣримъ твой разумъ;
Какъ молнія, силенъ и быстръ; за чѣмъ-же
Мнѣ съ молніей вести неравный споръ?
Напротивъ; я твоихъ ищу совѣтовъ.
Скажи, наставь, и я твой рабъ, Султанша!

Роксолана.

Благодарю за вызовъ! Правда, Рустенъ,
Мы можемъ быть полезны другъ для друга!

Рустенъ.

Позволь коснуться дерзкими устами
Твоей одежды! Какъ благодарить
За ласковое слово?..

Роксолана.

Откровенность
Взаимной откровенности достойна!

Ты окруженъ могучими врагами!
Ты въ дружбѣ съ Мустафой, а дворъ Султана
Не любитъ побѣдителя скупаго!
Будь остороженъ, Рустенъ! Ты уменъ,
Тебѣ легка правленія наука!
Для пользы Солимана, я желала-бъ,
Что-бъ ты не потерялъ Высокой Порты.
Но будь спокоенъ! Я сильна довольно
Людей завистливыхъ разрушить козни. —
Прости! Безъ дозволенья Солимана,
Нельзя входить въ покои Роксоланы!
Ты мнѣ ни *братъ*, ни *зять*, — и эта дерзость
Страшнѣе всѣхъ твоихъ враговъ. Прости!

Рустенъ.

Дозволь, судьбы моей благое око,
Вручить тебѣ посильные дары,
Ничтожные признательности знаки!
Не откажи, не презри!

Роксолана.

Добрый Рустенъ,
Мнѣ жаль тебя отказомъ опечалить;
Но я дала обѣтъ: — ни отъ кого
Не принимать, безъ воли Солимана,
Ни шелковинки. Вижу, мой отказъ
— Смутилъ тебя. Постой! Кадынь-Орсана!!

=

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ и ОРСАНА.

Роксолана.

Зови сюда Каяну, дочь мою!

=

ВЫХОДЪ 5.

РОКСОЛАНА и РУСТЕНЪ.

Роксолана.

Она не связана моимъ обѣтомъ.
И если твой приходъ на Паши-Шаха
Тѣнь подозрѣнья наведетъ, ты можешь
Исполковать свою неосторожность
Въ другую сторону....

=

ВЫХОДЪ 6.

ТѢ-ЖЕ и КАЯНА (безъ покрововъ).

Роксолана.

Вотъ и Каяна!
Дочь милая! Визирь великій, Рустенъ
Желаетъ принести моей Каянѣ
Посильные дары; не запрещаю
Принять.

Рустенъ. (на колѣнахъ)

Во славу матери твоей,
Я бѣдный рабъ, ничтожный червь, дерзаю
Принесть къ твоимъ стопамъ дары простые:
Вотъ жемчугъ изъ далекаго Цейлона,
Не низанный еще доселѣ, свѣжій,
Какъ слезы радости; вотъ три алмаза
Величины необычайной; яхонтъ
Оправленный для пояса; вотъ ящикъ,
Въ немъ баночки Египетскихъ румянъ,
Онъ ногтей не портятъ.... (27)

Роксолана.

Полно, полно!..
Ты видишь, Рустенъ, какъ моя Каяна
Краснѣетъ и блѣднѣетъ.....

Рустенъ.

Я не смѣю
Взглянуть въ ея блистательныя очи...

Роксолана.

И почему-жъ?

Рустенъ.

Законы запрещаютъ....

Роксолана.

Мать позволяетъ.

Рустенъ (поднявъ глаза, съ восторгомъ)

Гурія Пророка!!

(Краткое молчаніе. Рустенъ, на коленахъ въ нѣмомъ удивленіи, смотритъ на Каяну, которая стоитъ предъ нимъ неподвижно, опустивъ глаза)

Роксолана (смотря на нихъ съ улыбкою, про себя)

Довольно! Мы друга друга подкупили! — (громко)
Каяна, отнеси свои дары
И приходи назадъ! Въ Кіоскъ Босфорскій
Пойдемъ смотрѣть на плаванье Султана;
Пора ему вернуться изъ Скутари! —

=

ВЫХОДЪ 7.

РОКСОЛАНА и РУСТЕНЪ.

Роксолана.

Что̀, Рустенъ, такъ задумался? Пора
Тебѣ итти въ Блистательную Порту,
Заняться управленьемъ Государства.

Рустенъ (встаетъ и говоритъ разсѣянно)

Какъ хороша!

Роксолана.

О комъ ты говоришь? —

Рустенъ.

Счастливая, любимая Султанша,
Не спрашивай; быть можетъ, мысль моя
Была невольнымъ преступленьемъ...

Роксолана.

Рустенъ!
Въ моихъ глазахъ умышленный злодѣй
Достоинъ наказанія иль мести;
А кто изъ насъ не согрѣшитъ невольно?
И если то, о чемъ ты говоришь,
Есть преступленье чувства, я его
Скорѣе похвалю, чѣмъ опорочу.

Рустенъ.

О божія улыбка, образъ счастья,
Въ земной одеждѣ кротость неземная!
Какъ дымомъ сладкой амбры обаяный,
Я вѣрую въ чарующія рѣчи!
Въ нихъ счастіе мое! Я сознаюсь:
Такъ, я горю еще однимъ желаньемъ!
Пусть голова моя падетъ въ Сералѣ,
Пусть фирманъ Солимана.... Нѣтъ, къ чему
Испытывать такъ дерзко Роксолану?!

Роксолана.

Я догадалась, Рустенъ! Дочь моя....

Рустенъ (съ жаромъ)

Есть у меня законная жена,
Шесть наяшыхъ и сто младыхъ невольницъ
Еще сегодня я купилъ одну;
Весь Истамболъ дивился ей на рынкѣ;
Я заплатилъ три тысячи піастровъ;
Но эта красота — передъ Каяной,
Какъ рѣчка передъ моремъ! — О Султанша,
Я трепещу отъ ужаса и страсти;
Я распростертъ лежу у ногъ твоихъ;
Вели казнить пѣмымъ рабамъ Гарема!
Преступникъ я, но въ этомъ преступленьи
Не я виновенъ, а твоя Каяна.

=

ВЫХОДЪ 8.

ТѢ ЖЕ и КАЯНА.

Роксолана.

Каяна, вотъ супругъ твой!

Рустенъ.

Пощади!
Такъ много благъ не переноситъ сердце!

Роксолана.

Не говори напрасно, добрый Рустенъ!
Спѣши! Ты можешь потерять Каяну!
Пусть Кади приготовитъ договоръ,
Назначь приданое женѣ и дѣтямъ,
И принеси тотъ договоръ ко мнѣ;
Ручаюсь, Солиманъ его подпишетъ!

(про себя) (громко)

Теперь — онъ мой! Пойдемъ въ Кіоскъ Босфорскій!

=

ВЫХОДЪ 9.

Рустенъ (одинъ)

Блистательная Порта, ты — моя!
Я твердо сталъ на вожделенномъ мѣстѣ;
И Солиманъ теперь меня не свергнетъ!
Хоть безъ любви въ мой домъ беру Каяну,
И весь Гаремъ смущу женитьбой новой;
Но что-же дѣлать? Хитрость Роксоланы
Опаснѣе рабынь и женъ ревнивыхъ;
За то, — моя Блистательная Порта!

(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Въ Истамболѣ. Покои сыновей Роксоланы

=

ВЫХОДЪ 1.

Селимъ, Баязетъ, Кизляръ-Ага и нѣсколько Ичогляновъ (28) четвертаго разряда (входятъ)

Селимъ (Кизляръ-Агѣ)

Что̀, Солиманъ пріѣхалъ изъ Скутари?

Кизляръ-Ага.

Пріѣхалъ и отправился въ Гаремъ.

*

Селимъ.

Не говорилъ съ тобой?

Кизляръ-Ага.

Не говорилъ.
Онъ чѣмъ-то важнымъ занятъ. Тихъ, задумчивъ;
Война кипитъ въ его глубокомъ сердцѣ.
Я думаю, Тунисъ его встревожилъ.

Селимъ.

А что Тунисъ?

Кизляръ-Ага.

Взятъ.

Селимъ.

Ну, а Барбаросса?

Кизляръ-Ага.

Разсѣянъ! Я боюсь послѣдней вѣсти
Изъ Азіи...

Селимъ.

А что?

Кизляръ-Ага.

Мнѣ говорилъ
Визирь Великій, будто Мустафа
На голову разбилъ несчастныхъ Персовъ.

Селимъ.

Такъ что-жъ?

Кизляръ-Ага.

Благопріятный слухъ опасенъ.
Быть можетъ онъ разбитъ.

Селимъ.

И то не дурно.

Кизляръ-Ага.

Не дурно? А пошлютъ тебя, Селимъ?

Селимъ.

О сохрани меня, Пророкъ великій!!
Сражаться?! Изъ чего? Мнѣ въ Истамболѣ
Пріятнѣе.

Кизляръ-Ага.

Султанъ не разбираетъ....

Баязетъ.

Пускай меня пошлютъ. На Аппмейданѣ (29)
Наскучило Джиридомъ забавляться.
А я-бы сладилъ съ Персами...

Селимъ.

Храбрецъ!
За зайцами ходить тебѣ не въ пору,
А за людьми...

Баязетъ.

Не ты-бы говорилъ.
Тебѣ не воевать, я это знаю!
Днемъ ты съ невольницей, а ночью съ кружкой
Богопротивнаго напитка. — Ты-бы
Сраженье проспалъ, а добычу пропилъ!

Кизляръ-Ага.

Селимъ, вѣдь Баязетъ тебя не хвалитъ!

Селимъ.

Судьба моя такая! — Ичогланы,
Пріятели мои — меня ругаютъ
За Кипрское вино; а сами пьютъ!
Какъ будто-бы грѣхъ только для меня.
А Баязетъ, мой братъ, на томъ помѣшанъ,
Что-бъ походить на Дервиша. Но впрочемъ,
Ты знаешь, я не золъ. Оставимъ это!
Присядемъ лучше горе горевать.
Султанъ въ Гаремѣ? Ты навѣрно знаешь? —

Кизляръ-Ага.

Да какъ-бы я къ тебѣ пришелъ?

Селимъ.

Въ Сералѣ
Все, кажется, уснуло?

Кизляръ-Ага.

Ужъ и время.

Селимъ.

Ну, такъ начнемъ вечернюю бесѣду!
Я угостить хочу тебя, мой другъ,
Задобрить. Ты хозяинъ у Султана!
Капы-Ага передъ тобой — ничто!
Ты видишь, откровенъ я. — Садись!

(садятся)

Сераль ужасно скученъ. Я хочу
Купить въ Галатѣ (30) домикъ для веселья.
Такъ, знаешь, на просторѣ, подозвать
Друзей, пять шесть невольницъ — и съ недѣлю

Какъ будто на охотѣ — веселиться.
Вѣдь Солиманъ, безъ твоего согласья,
Не можетъ знать, Кизляръ-Ага....

Кизляръ-Ага.

Не можетъ.
Но для чего-жъ въ Галатѣ?

Баязетъ.

Охъ, Ага,
Я догадался. Въ цѣломъ Истамболѣ
Запрещена продажа винъ.

Кизляръ-Ага.

А тамъ?

Баязетъ.

А тамъ позволена; вѣдь тамъ Гяуры.

Кизляръ-Ага.

Да развѣ здѣсь не льзя имѣть вина?

Селимъ.

Съ большимъ трудомъ.

Кизляръ-Ага.

Однако-жъ ты имѣешь!

Селимъ.

О Ибрагимъ, насъ восемь человѣкъ,
Иной разъ десять, а иной разъ больше;
Вѣдь трудно пронести въ Сераль такъ много,
Что-бы на всѣхъ достало.... Баязетъ,
Что̀, не велѣть-ли для тебя въ потѣху

Невольницъ съ мандолинами (31) позвать?
Ты любишь музыку...

Баязетъ.

Не безпокойся!
Я долго оставаться не намѣренъ!

Кизляръ-Ага (про себя)

О смрадныя рожденья Солимана!
Когда судьба мнѣ дастъ удобный случай
Васъ утопить въ стыдѣ, крови и срамѣ,
Отмстить за мать...

Селимъ (приближаясь къ сосудамъ)

Омоемся, Ага!
Законъ закономъ...

Баязетъ.

А вино виномъ!

Селимъ (омывая руки)

Отстань! Иди себѣ, когда не хочешь
Быть съ нами за-одно. Когда ты съ палкой
Идешь на Атмейданъ — я не мѣшаю
И не корю тебя забавной дракой,
Гдѣ смерть виситъ надъ головой...

Баязетъ.

Селимъ,
Я выпью кружку Кипрскаго вина,
Но съ тѣмъ условіемъ, что, въ первый день
Великаго Байрама (32), ты со мной
Пойдешь играть въ Джиридъ на Атмейданѣ.

Селимъ.

Ты можешь пишь или не пить; а я
Могу ишши и не ишши на площадь!

(садятся. Евнухи приносятъ яства и вина)

Кизляръ-Ага.

Джиридъ хорошъ для рѣзваго ребенка;
Вино для мужа, крѣпкаго душей!
Безумно жертвовать младою жизнью,
А услаждать ее благоразумно.

Селимъ (поднося Ибрагиму кубокъ)

Ага, прикажешь?

Кизляръ-Ага.

Попрошу. Вино
Мнѣ въ рѣдкость.

Селимъ (поднося кубокъ Баязету)

Баязетъ!

Баязетъ.

Изволь;
Изъ угожденія Агѣ. — Сегодня
Я на базарѣ былъ.

Селимъ.

Зачѣмъ?

Баязетъ.

Смотрѣлъ,
Невольницъ привезли....

Селимъ (пьетъ въ разговорахъ)

Я былъ вчера
Съ Ахметомъ Ичогланомъ, что̀ Шербетъ

Подноситъ Солиману; на базарѣ
Понравилась Гречанка молодая;
Хотѣлъ купить, но что-жъ? Проклятый Русшенъ
Три тысячи піастровъ заплатилъ
И приказалъ отвесть въ Гаремъ свой!

Баязетъ.

Русшенъ?!
Такъ это Русшенъ откупилъ Гречанку?!
Постой, Визирь! Твой сынъ въ Джиридъ играетъ;
Я палку въ голову ему намѣчу?

Селимъ.

Какъ, развѣ ты ее видалъ?

Баязетъ.

Да, видѣлъ.
И приходилъ сегодня на Базаръ
Купить ее; тотъ жидъ уже уѣхалъ,
Что продавалъ ее. Никто не зналъ:
Кто сталъ хозяиномъ Морейской розы?
Ага, Ага! Что всѣ твои Султанши,
Невольницы Гарема Солимана!
Ты мертвъ, Ага, для страстныхъ вожделеній;
Ты ледъ для нашихъ пламенныхъ восторговъ;
Но ты-бы понялъ, оцѣнилъ красу
Невиданной доселѣ Одалиски.
Но Русшенъ добръ; я упрошу отдать
Невольницу хоть за двойную цѣну....

Селимъ (вставъ)

Что, Баязетъ? — Я старшій братъ....

Баязетъ.

Такъ что-жъ!

Селимъ.

Я самъ горю желаніемъ...

Баязетъ.

Гори!

Селимъ.

Она моя!

Баязетъ.

Посмотримъ.

Селимъ.

Да, посмотримъ!
Я силой вырву изъ твоихъ объятій
Прекрасную Гречанку....

Баязетъ.

Да, Селимъ,
Когда ты самъ останешься въ живыхъ!
Тебѣ-ли, безобразное созданье,
Морской уродъ, Гяуръ въ чалмѣ...

Селимъ (схвативъ кубокъ; Кизляръ-Ага его удерживаетъ)

Гяуръ!!
О дайте этимъ кубкомъ раздробить
Проклятый черепъ Баязета.....

Баязетъ.

Тише!
Не попадешь, теперь ты пьянъ!

Селимъ.

Я пьянъ?!
Пусти, Ага! Ты видишь, онъ смѣется,
А я безсиленъ возвратить насмѣшку!...

Кизляръ-Ага.

Теперь не время! Вы покой Сераля
Нарушите! Услышитъ Солиманъ
Тревогу....

Баязетъ.

Не держи его, Ага!
Онъ хромъ теперь отъ Кипрскаго вина,
И далеко не побѣжитъ; а завтра, —
Пока проснется отъ ночной потѣхи
Уже въ монхъ рукахъ Гречанка будетъ!

Селимъ (въ ярости)

Не будетъ, червь болотный!

Баязетъ.

До свиданья!

Селимъ.

Смертельнаго свиданья, Баязетъ!

(въ бѣшенствѣ падаетъ на софу; Ичогланы его окружаютъ.)

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ БАЯЗЕТА.

Кизляръ-Ага (про себя)

Не такъ-ли, Солиманъ, въ стѣнахъ Каира
О матери моей ты страшно спорилъ
Съ отцемъ моимъ.... О близокъ, близокъ часъ!
Душа полна отрадным жаромъ мести
За мать, и за отца и за себя.....

КОНЕЦЪ ВТОРАГО АКТА.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ИСТАМБОЛЪ.

Дворъ Сераля. — Во глубинѣ театра крытая галлерея изъ Сераля въ Гаремъ; по лѣвую сторону ворота въ Гаремъ; по правую въ зданія Сераля.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЫХОДЪ 1.

Ибрагимъ, Кизляръ-Ага (на широкомъ коврѣ у самыхъ воротъ Гарема лежитъ, распростертый, облокотивъ голову на руки) и Юсуфъ (выходитъ изъ воротъ Сераля; въ галлереѣ огни.)

Юсуфъ.

Ты спишь, Ага?

Ибрагимъ.

Не сплю, а на яву
Сны радостные вижу. Наши львы
Подобно мнѣ, съ отверзтыми очами,
Проводятъ ночи, сторожа добычу.

Садись, Юсуфъ! Мнѣ легче съ человѣкомъ
Переносить зной желчи раскаленной,
Душа не сноситъ больше горькой тайны,
А изъ груди въ сосудъ души не выльешь!

Юсуфъ.

Объ чемъ-же, Ибрагимъ, тоска такая?
Въ блистательной темницѣ Солимана
Отвыкли мы отъ радости и горя...

Ибрагимъ.

Отъ радости? — Давно-ль ты помнишь радость?
Отъ раннихъ лѣтъ тиранство человѣка

Насъ выключило изъ числа людей.
Глупцы, зачѣмъ не вырвете вы сердца
Для безопасности невольницъ вашихъ
И вашей жизни...

Юсуфъ.

Ты весьма печаленъ.

Ибрагимъ.

Печаленъ?.. Нѣтъ, я бѣшенъ. Ты забылъ
Горящій воздухъ Нубіи далекой
И грудь зеркальную святаго Нила....
Ты безъ отечества, Юсуфъ! — Ты помнишь
Привѣтный взоръ отца, иль поцѣлуй
Любимой матери... Нѣтъ, ты не помнишь;
Ты безъ родителей, Юсуфъ! — А я....
Въ пятнадцать лѣтъ я обнялъ жизнь съ любовью,
Съ надеждой счастья, съ жаждой славныхъ дѣлъ;
Меня любилъ отецъ, любила матерь;
Довольно-ли, чтобъ чувствовать несчастья,
А ихъ не мало въ памяти моей....
Я помню, какъ влекли къ Султану матерь!
Какъ мой отецъ великій, Алъ-Гокаръ, —
Двухъ Евнуховъ разсѣкъ крылатой саблей.
Юсуфъ, я помню, очень много помню;
Я радъ, что помню; я могу забыть;
Но не забуду. — Сердце у меня
Заковано и злобою и местью!
Хорошъ сундукъ — и прежде разобьютъ
Его булатную оковку; прежде
Мой глупый черепъ обратится въ прудъ
Для гадинъ и червей гнилой могилы,
Чѣмъ это сердце мщенье позабудетъ!

Юсуфъ.

Жизнь дорога, почтенный Ибрагимъ!

Ибрагимъ.

Жизнь! Развѣ мы живемъ? За нашу жизнь
Благодарить мы только смертью можемъ.
Жизнь дорога? — Жизнь пса — псу дорога!
Жизнь человѣка — человѣку; такъ-ли?
Но размѣняй ихъ жизни — и твоя
Подешевѣетъ до разбитой стклянки!

Юсуфъ.

Но что-же Солиманъ такого сдѣлалъ?

Ибрагимъ.

Не хочешь-ли ты быть Кизляръ-Агой,
Узнать, донесть и принести снурокъ,
Послать нѣмаго... Погоди, Юсуфъ!
Я скоро самъ мое оставлю мѣсто,
И на снурокъ не нужно лишнихъ денегъ.

Юсуфъ.

Обидно, Ибрагимъ!

Ибрагимъ.

Юсуфъ, обида
Слѣпой фазанъ. Онъ бьетъ свою жену,
Когда ему придетъ охота драться.
Прости, Юсуфъ! Уже пятнадцать лѣтъ
Съ тобой мы дружны; ссориться не время.
Но помни, что вопросъ о горькой тайнѣ
Мнѣ кажется насмѣшкой Солимана
Надъ воплемъ машери моей.....
Юсуфъ!
Ахъ, какъ она рыдала!!..
Алъ-Гокаръ
Изъ Нубіи пошелъ походомъ въ море
И бѣлую невольницу досталъ,

И полюбилъ ее, и полюбила
Его невольница; — пятнадцать лѣтъ,
Война-ли, миръ, — въ Египтѣ-ли, въ Сеннарѣ,
Вездѣ вдвоемъ... Приходитъ Солиманъ;
Въ Каирѣ нѣтъ ему сопротивленья.
Одинъ отецъ не положилъ меча.
Не для Египта глупаго сражаясь,
Онъ поражалъ Османовъ — для себя;
Онъ обнажалъ ихъ трупы, ихъ разъѣзды
Захватывалъ... Единый Алъ-Гокаръ
Надъ силой Солимана посмѣвался!
(съ радостнымъ хохотомъ.)
То былъ отецъ мой! —
Только мутный Нилъ
Усердно Алъ-Гокару помогалъ;
Какъ вѣрный мулъ, — онъ трупы разносилъ
По нивамъ безконечнаго Египта!
И бѣшеный смирился Солиманъ
Предъ Алъ-Гокаромъ! — Солиманъ всесильный
Предъ Алъ-Гокаромъ!! (съ тѣмъ-же смѣхомъ)
То отецъ мой былъ!
Мужъ Эдвы, матери моей!!...
А Эдва,
Что вечеръ, то въ челнокъ и къ Алъ-Гокару
Со мной плыветъ; — сама веслом послушнымъ
Искусно управляетъ. — Онъ — обниметъ
Ее, меня; — въ челнокъ добычу дня
Проворно сложитъ — и прости до завтра!

Смирился Солиманъ коварнымъ сердцемъ
И говоритъ: — «Прощаю Алъ-Гокара!
«Пускай придетъ; клянуся Алъ-Кораномъ,
«Онъ будетъ не вредимъ!» — Святая клятва!
Повѣрилъ Алъ-Гокаръ, пришелъ въ Каиръ

Со мной и Эдвой, грозный Солиманъ,
Коварнымъ сердцемъ въ злобѣ утопая,
Задумалъ мстить и отомстилъ ужасно.
Схватили Эдву, отвели къ Султану,
Она съ нимъ раздѣлила ложе, утромъ
Я былъ уже безъ матери, Юсуфъ!
Нилъ — поглотилъ мѣшокъ съ несчастной Эдвой!

Юсуфъ (вскочивъ)

Что-жъ Алъ-Гокаръ?

Ибрагимъ.

Что Алъ-Гокаръ? — Молчалъ,
Какъ я теперь молчу, но въ день Джирида,
Когда Султанъ смотрѣлъ на игры Спаговъ,
Онъ въ ихъ толпу вмѣшался незамѣтно
И, улучивъ удобное мгновенье,
На Солимана бросился.... Увы!
Рядъ грозныхъ копій встрѣтилъ Алъ-Гокара;
Онъ палъ — и я остался безъ отца!

Юсуфъ.

Ужасно, Ибрагимъ!

Ибрагимъ.

Еще не все!
Ужасный Солиманъ мстилъ мертвецу!
Сынъ Алъ-Гокара, другъ твой, Ибрагимъ,
Захваченъ непреклонными рабами
Сталъ рабъ... Юсуфъ, ты это понимаешь!....
(продолжительное молчаніе)
Что, другъ Юсуфъ, не веселъ мой разсказъ?
Дай срокъ! Я повторю предъ Солиманомъ
Страдальческую повѣсть Алъ-Гокара;
Я жизни у него не отниму;
Пускай живетъ; ярмо другихъ несчастій

Я наложу на плечи Солимана!
Еще не горе смерть; иную жизнь
Отдашь не за одну, а за три смерти....
Такую жизнь ему приготовляю....

Въ Гаремъ шорохъ; обойди, Юсуфъ!
Прислушайся, не спятъ ли наши стражи,
Не бодрствуютъ-ли жены Солимана?
Сходи, Юсуфъ!

Юсуфъ.

Ты чутокъ, Ибрагимъ.
Что до меня, я ничего не слышу. —

Ибрагимъ.

О, я привыкъ. Ужъ слишкомъ будетъ годъ,
Какъ я, что ночь, безъ сна, на этомъ мѣстѣ
Блаженства домъ собою затворяю.
Я тѣломъ здѣсь, а слухомъ напряженнымъ
Перехожу рядъ комнатъ безконечный
И слышу шопотъ дальней Одалиски,
Что проситъ у раба ночной прохлады;
Я различаю ропотъ волнъ Босфора
Отъ соннаго жужжанья мухи; знаю,
Которая раба томится жаждой,
Которая въ безсонницѣ ревнуетъ.
Повѣрь, — я слышу, какъ огонь горитъ
И слухомъ чувствую восходъ денницы.
Чу!....
Ничего! То море или вѣтеръ,
Какой нибудь звѣздою пробужденный,
Опять на нѣжномъ миртѣ засыпаетъ.
Ты обойди однако-же Гаремъ!
Теперь я и себѣ недовѣряю. —

=

ВЫХОДЪ 2.

Ибрагимъ (одинъ)

Ночь, не бѣги! Мнѣ сладокъ воздухъ твой;
Твой мракъ и на лицѣ моемъ и въ сердцѣ;
Но у тебя такая пропасть звѣздъ,
А у меня — одна звѣзда; какъ уголь,
Красна; безъ блеска, но съ лицемъ палящимъ!

Звѣзда кровавой мести, далеко-ли
До пристани; когда попутный вѣтръ
Дыханьемъ ядовитымъ вздуетъ парусъ?
Другіе жить хотятъ, я умереть;
Я смерть ношу съ собою въ талисманѣ,
Блаженство гроба вижу, осязаю,
Но не могу обнять моей могилы,
И ангеламъ Пророка разсказать
И добрыхъ и худыхъ моихъ дѣяній
Простую повѣсть. — Эдва, Алъ-Гокаръ,
Тяжелыя несносной жизни цѣпи
Вы приковали къ міру Ибрагима, —
И онъ живетъ для мести! (вынимаетъ талисманъ)
Другъ прекрасный,
Безчувственно лежитъ въ твоихъ объятьяхъ
Перлъ дорогой убійственной отравы!

(выпускаетъ на руку кусочки яду)

Вотъ онъ, зерно забвенія и счастья!
Одно мгновенье — кончены страданья!
Къ устамъ, въ уста — и этотъ гнусный гадъ,
Колючками и иглами обросшій,
Что̀ жизнью глупый умъ зоветъ, — задушенъ,
Избитъ, растерзанъ, выброшенъ изъ трупа!!
И это смерть, и этого бояться!!...

*

Зерно моей надежды, будетъ время
И ты осуществишь мои желанья.
На грудь, на грудь, спокойнѣй дышетъ сердце
Когда я знаю, что при мнѣ мой ангелъ...

(прячетъ талисманъ)

Шумъ! Изъ Сераля! Ночь еще темна!
Юсуфъ теперь далеко. — Гдѣ кинжалы,
Стальные, неподкупные друзья.
Непостижимо! Идутъ!... Нѣтъ!.. Одинъ
Идетъ! Сюда?! — Что вижу? Это Рустенъ!...

=

ВЫХОДЪ 3.

РУСТЕНЪ и ИБРАГИМЪ.

Рустенъ.

Кизляръ-Ага, ты вѣрно изумленъ
Моимъ приходомъ....

Ибрагимъ.

Нѣтъ! Быть можетъ, вѣсть
Принесъ Визирь Султану....

Рустенъ.

Ты ошибся.
Визирь къ тебѣ пришелъ.

Ибрагимъ.

Ко мнѣ? — Садись!

Рустенъ.

Тебя нельзя увидѣть днемъ.

Ибрагимъ.

Нельзя!

Рустенъ.

Всегда съ Султаномъ....

Ибрагимъ.

Да, всегда съ Султаномъ.

Рустенъ.

Вотъ почему пришелъ къ тебѣ я ночью;
Тѣснѣе познакомиться хочу;
Мы оба новы; ты Кизляръ-Агой
Недавно, я Великимъ Визиремъ.
Не такъ-ли, Ибрагимъ почтенный?

Ибрагимъ.

Да!

Рустенъ.

Я восемь лѣтъ доискивался мѣста
Великаго Визиря...

Ибрагимъ.

Я — пятнадцать,
Отъ смерти матери моей.

Рустенъ.

Вотъ видишь,
Межъ нами сходство есть. Ага, намъ должно
Вступить въ союзъ. Я правлю государствомъ,
А ты Гаремомъ и *его* особой...
Ты понимаешь?

Ибрагимъ.

Нѣтъ. Мой умъ — такъ гладокъ,
Какъ точеный янтарь. А память — сѣтка,

Насыпь въ нее догадокъ, не удержишь;
Брось крупныхъ словъ, остануться.

Рустенъ.

Ага!
Для общей пользы нашей — должно намъ
Друзьями быть.

Ибрагимъ.

Пожалуй. Дружба — домикъ,
Кіоскъ прохладный; онъ хорошъ въ жары;
А въ бурю, въ холодъ — разбѣжится дружба.

Рустенъ.

На то есть кляпвы....

Ибрагимъ.

Кляпва — паутина!
Паукъ по ней свободно ходитъ. Въ свѣтѣ
Не мало ядовитыхъ пауковъ. —

Рустенъ.

Ага, Кіоксъ пріятенъ хоть для жару. —

Богатъ, могущь теперь великій Рустенъ;
Всѣ передъ нимъ открытые друзья;
Малѣйшее несчастье, я увѣренъ,
Что всѣ друзья врагами станутъ; люди
Не могутъ ихъ начальника любить,
Хотя бы онъ былъ ангеломъ Пророка.
Но ты мнѣ неподвластенъ, я тебѣ;
Власть наша раздѣляется Султаномъ;
Онъ между насъ желѣзная граница —
И потому взаимный нашъ совѣтъ
Правдивъ и безкорыстенъ; намъ не нужно

Посредниковъ, а въ милостяхъ Султана
Другъ другу мы завидовать не можемъ.

Ибрагимъ.

Послушай, Рустенъ! У тебя во лбу
Казна ума и красныхъ словъ. Ты правъ;
Самъ Магометъ насъ дѣлаетъ друзьями. —
Давай-же руку!

Рустенъ.

Вотъ моя рука!
На жизнь и смерть....

Ибрагимъ.

Я смертію клянусь,
А клятва жизнію — еще не клятва.

Рустенъ.

О, Ибрагимъ, ты судишь, какъ мудрецъ.

Ибрагимъ.

Змѣя молчитъ и думаетъ весь вѣкъ
И мудрости молчаньемъ достигаетъ;
А женщина всю жизнь слова лепечетъ,
Въ умѣ своемъ не хочетъ ихъ оставить
И потому ума въ ней мало.

Рустенъ.

Мало!
Не говори; ты знаешь Роксолану.

Ибрагимъ.

Пятнадцать лѣтъ при ней на вѣчной стражѣ,
Я распозналъ не женщину въ Султаншѣ,
А хитрую змѣю...

Рустенъ.

О, Ибрагимъ,
Я тоже замѣчаю... Но Султанъ
Въ нее влюбленъ.

Ибрагимъ.

Благодари Пророка,
Что кто нибудь его ужаснымъ сердцемъ
Способенъ управлять — и если ты
Дѣйствительно уменъ, будь остороженъ!
Не оскорби ужасной Роксоланы
Передъ лицемъ Султана.

Рустенъ.

Ибрагимъ!
Я въ крайности. — Великій Мустафа,
Далекихъ Персовъ славный побѣдитель,
Былъ благодѣтелемъ моимъ до нынѣ.
Я всѣмъ ему обязанъ, а теперь
Изъ угожденья хитрой Роксоланѣ
Я долженъ быть ему врагомъ.

Ибрагимъ.

Врагомъ?
Послушай, Рустенъ! Мустафа великъ,
А Солиманъ ужъ скоро постарѣетъ.
Изъ старости нѣтъ къ юности дверей,
А по неволѣ должно отворить
Широкія ворота въ узкій погребъ;
А Мустафа войдетъ въ врата Сераля.
Хоть Мустафа тебѣ и благодѣтель,
Но ты, я слышалъ, взялъ женой Каяну,
А Роксолана выгнала Хризулу.
Тутъ множество вопросовъ...

Рустенъ.

Ибрагимъ,
Неужели мнѣ сдѣлаться врагомъ?!

Ибрагимъ.

Не только сдѣлаться врагомъ, но больше!
Послать къ нему дары отъ Солимана:
Снурокъ, иль ядъ, или кинжалъ Евнуха.

Рустенъ.

Какая мысль! А на престолъ Селима?

Ибрагимъ.

Селима, именно.

Рустенъ.

И такъ Селима!

Ибрагимъ.

Пусть пьяница, въ Гаремѣ запершись,
Съ невольницами пляшетъ; мы съ тобой
Заступимъ мѣсто пьянаго Султана.

Рустенъ.

Заступимъ, Ибрагимъ, клянусь заступимъ!
Но должно разсудить о средствахъ.

Ибрагимъ.

Должно
Смотрѣть на обстоятельства, они
Сами собой идутъ ему на гибель.
Не нужно поднимать ножа на жертву,
А подъ чужой ударъ ее подвинуть.
Теперь на нашемъ морѣ вѣтръ попутный;

Корабль нашъ новъ, со множествомъ вѣтрилъ;
Но лишней тягости держать не надо,
А псамъ морскимъ, что вкругъ кормы высокой
Зависливо ныряютъ, — нужны жертвы.
Не пожалѣй ихъ, Рустенъ! Будетъ время,
Заплатитъ Роксолана за убытокъ,
Не то, Хризула вычтетъ жизнь...

Рустенъ.

Ага,
Къ чему загадки?

Ибрагимъ.

Ибрагимъ привыкъ.
Загадка носитъ сердцевину тайны
Въ другой корѣ. Но вотъ въ чемъ дѣло, Рустенъ!
Не давно ты рабу купилъ на рынкѣ....

Рустенъ.

Пророкъ великій!

Ибрагимъ.

Юный Баязетъ,
Сынъ Роксоланы видѣлъ ту рабу
И страстно полюбилъ ее... Брось въ море
На жертву крокодилу — эту мѣлочь.
Брось, Рустенъ, ты не будешь сожалѣть!
Онъ будетъ нашъ цѣной ничтожной розы.
Ребенокъ, для него цвѣтокъ красивый
Теперь еще дороже юной жизни.
Пока завянетъ роза, Баязетъ,
Ея благоуханьемъ обаянный,
Намъ будетъ помогать, а онъ намъ нуженъ.

Рустенъ.

О, Ибрагимъ, ужасна эта жертва!
Мнѣ жаль рабы.....

Ибрагимъ.

Ты страстенъ, бѣдный Рустенъ,
А страсть опасный наростъ; съ нимъ нельзя
Зайти далеко. Баязетъ — ребенокъ;
И если ты рабы ему не дашь,
Тогда твой сынъ пойдетъ на Атмейданъ
Играть въ Джиридъ и въ домъ невозвратится.

Рустенъ.

Какъ, Ибрагимъ, мой сынъ?...

Ибрагимъ.

И предъ Каяной
Не спрячешь ты невольницы прекрасной;
А Роксолана любитъ дочь свою
И Баязета любитъ.

Рустенъ.

Я согласенъ;
Но жаль рабы.

Ибрагимъ.

Ты хочешь безъ потери,
Безъ урагана и безъ знойной жажды
Дойти до Мекки. Рустенъ, долгій путь!
Не лучше-ль воротиться?

Рустенъ.

Я согласенъ.

Ибрагимъ.

На что̀, отдать рабу иль ворошиться?

Рустенъ.

Отдать рабу.

Ибрагимъ.

Чу! Голосъ Солимана!
Султанъ проснулся... Ты спѣши домой
И тотчасъ отошли свою рабыню....
Цѣной ея союзъ нашъ укрѣпится!
Прости!...

Рустенъ.

Ужасно потерять Гречанку,
Ужаснѣй потерять такого друга! (уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ Сералѣ.

ВЫХОДЪ 1.

Ичогланы (изъ коихъ одинъ держитъ шербетъ) два Карла и Нѣмые.

1. Карло.

Дай мнѣ шербетъ, я поднесу Султану....

Ичогланъ.

Прочь, муха! Эта честь не для тебя!

1. Карло.

Ты, пустоцвѣтъ, не лучше черной мухи.
Я медъ сосу, а ты пьешь только воду,
И то напрасно!

Ичоглань.

Прочь, морской уродъ!

2. Карло.

Кто, онъ морской уродъ? Краса Сераля!
Ты знаешь-ли, что за него Султанъ,
Убилъ своей рукой двухъ Ичоглановъ,
За дерзкую насмѣшку...

Ичоглань.

Не пищи,
Болотная улитка!

2. Карло.

Я улитка?!
Ты, долговязое бревно, постой!
Увижу я Капы-Агу, увижу. —
Ты пятки приготовь для умной пляски,
Что задаетъ Ага по вечерамъ.

1. Карло.

Для Рамазана это будетъ кстати!
Онъ тридцать дней въ постели пролежитъ,
За то въ Байрамъ пойдетъ гулять въ Галату.

2. Карло.

А скоро Рамазанъ?

1. Карло

Вчера народъ
Расхаживалъ по крышамъ Истамбола,
Высматривалъ луну, но старый Муфти,
Что̀ проглотилъ всѣ знанія Гяуровъ,

Разсказывалъ, что быть лунѣ сегодня,
А не вчера.

2. Карло.

Пойдетъ-же намъ потѣха!
Въ великій постъ Султану не до насъ.
Спи днемъ, спи ночью, сколько хочешь спи,
Кривляться въ Рамазанъ не заставляютъ.

1. Карло.

За то сегодня насъ Султанъ помучитъ.
Ты помнишь-ли послѣдній день Хабана (33)
Прошедшаго, убійственнаго года, —
Когда онъ изъ-подъ Вѣны возвратился,
Онъ къ тремъ Пашамъ велѣлъ послать снурокъ;
Двѣнадцать Спаговъ лишены имѣній,
Задушена невольница въ Гаремѣ,
Что̀ не умѣла угодить Султану!
Ужасный день! До смерти буду помнить
Хабанъ минувшій. — Ибрагимъ — Великій
Визирь — въ тотъ день, въ угодность Роксоланѣ,
Задушенъ; — а Кизляръ-Ага Ахметъ
Въ немилость впалъ — Нѣмые только знаютъ,
Куда пропалъ Ахметъ! Ужасный день!!

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ, СОЛИМАНЪ и ИБРАГИМЪ.

Ибрагимъ.

И молчаливъ и грустенъ! Что за тайна?..
Не смѣю прерывать его молчанья....

Карлы (кривляясь, приближаются къ Солиману)

Калифъ, пріятно-ли провелъ ты время,
Въ своемъ раю; а мы тутъ безъ тебя....

Солиманъ.

Прочь! — Ибрагимъ! Повѣсить этихъ карлъ!
Пускай кривляются, вися по кедрамъ,
И пѣшатъ птицъ....

Карлы (павъ ницъ)

Прости насъ....

Солиманъ.

Утопить!
Въ мѣшки! Въ Босфоръ!...

(Ибрагимъ даетъ знакъ. Нѣмые уносятъ Карлъ)

Ибрагимъ.

Давно шербетъ твой поданъ.

Солиманъ.

Не нуженъ! Прочь! — Кровавымъ питіемъ
Такая жажда можетъ утолиться!
Всѣ прочь! Всѣ вонъ! — Кизляръ-Ага, останься!

=

ВЫХОДЪ 3.

СОЛИМАНЪ, ИБРАГИМЪ и НѢМЫЕ. —

Солиманъ.

Зачѣмъ, Ага, ты выпустилъ Хризулу?
Семь башень есть, есть миліонъ валовъ

И старый мой Сераль... Зачѣмъ Хризулу,
Лукавый рабъ, ты выпустилъ отсюда?

Ибрагимъ.

Ты повелѣлъ, Владыка правовѣрныхъ?

Солиманъ.

Я повелѣлъ? Ты долженъ былъ понять,
Что предъ Диваномъ, передъ старымъ Муфти
Я долженъ былъ обрядамъ покориться;
А ты не могъ, несчастный, догадаться,
Что значитъ этотъ отпускъ? — Смерть, подушки,
Глубь моря, или пропасть заточенья....

Ибрагимъ.

Но если ты желаешь....

Солиманъ.

Замолчи!
Ты упустилъ удобную минуту!
Она въ Амазіи, у Мустафы!!
Садясь въ корабль, безумная змѣя
Прокляньями противъ меня шипѣла
И поклялась воздвигнуть Мустафу
На месть отцу!! — Народная толпа
Прокляньями Хризулы утѣшалась,
А ты не слышалъ, ты мнѣ не донесъ.

Ибрагимъ.

Напрасно обвинять меня, Калифъ!
Я сдѣлалъ такъ, какъ думалъ сдѣлать лучше.
Но въ гавани я не былъ, изъ Сераля
Не могъ я отлучиться. Виноватъ
Капы-Ага. —

Солиманъ.

Послать ему снурокъ. (нѣмой уходитъ)

Ибрагимъ.

Юсуфъ, твой рабъ, хотѣлъ схватить Хризулу
И бросить въ море, но попутный вѣтръ
Унесъ корабль.

Солиманъ.

Юсуфъ — Капы-Агой! (другой нѣмой уходитъ)

Ибрагимъ.

Визирь Великій говорилъ Агѣ,
Что онъ въ отвѣтѣ будетъ; но Ага,
Съ насмѣшкой отвѣчалъ на эти рѣчи!

Солиманъ.

Изъ тайнаго сокровища Султана
Вели послать Аазамъ-Визирю (34)
Съ піастрами мѣшокъ въ пятнадцать тысячь!

Ибрагимъ.

Но если ты, Калифъ, встревоженъ жизнью
Хризулы, — можно заманить ее
Опять въ Гаремъ, тогда въ мѣшокъ и — въ воду...

Солиманъ.

Теперь нельзя! Она открыла сыну
И страсть мою къ прекрасной Роксоланѣ,
И ненависть къ красамъ ея увядшимъ.
Теперь нельзя! — Быть можетъ Мустафа
Уже волнуетъ войско Янычаръ. —
Изъ Азіи никто не возвратился,
Кого послалъ мой Чаушъ-Баши (35). Хризула
Хитра и злобна; Мустафа — ребенокъ;
Онъ можетъ оскорбиться — и погибнетъ!

Ибрагимъ.

Нѣтъ, не погибнетъ Мустафа! Пророкъ
Не дастъ тебѣ утратить Мустафу.
Народъ его безмѣрно любитъ; войско
Привязано къ нему, какъ къ Алъ-Корану;
Кто ни придетъ изъ Азіи сюда,
Не говоритъ о Меккѣ и Мединѣ,
Ни о богатствахъ Индіи далекой;
А славитъ мудрость сына твоего,
Его гостепріимство, справедливость....
Нѣтъ, Мустафа уже давно задумалъ
На мнѣніи народномъ основаться;
Не ожидать судьбы, а встрѣтить саблей!...

Солиманъ.

Смерть надъ тобой, зловѣщая ворона!

Ибрагимъ.

Смерть отъ тебя — блаженство, Солиманъ.
Такъ насъ учили; мы привыкли вѣрить!
Намѣстникъ Магомета, что̀ мнѣ жизнь?
Глухой сарай, безъ воздуха и свѣта....
Но я къ тебѣ привязанъ; я страшусь
За жизнь твою. Пятнадцать лѣтъ прошло,
Какъ я, безвыходно, въ твоемъ Гаремѣ,
Стерегъ покой невольницы любимой.
Я не искалъ честей и важныхъ мѣстъ,
Любилъ тебя за сердце и за славу,
За рядъ твоихъ блистательныхъ побѣдъ
И, — признаюсь, за постоянство въ страсти, —
Которую я распалялъ въ рабынѣ,
Вначалѣ нелюбившей Солимана.
Въ моихъ рукахъ была ея любовь.
Спроси ее, теперь она Султанша!

Я, какъ комаръ, надъ ухомъ Роксоланы
Жужжалъ о славѣ, силѣ Солимана,
И развивалъ насильно въ твердомъ сердцѣ
Любовь къ тебѣ. До сей поры Султанша,
Какъ будто дѣва, страстью пламенѣетъ!
Ты не хотѣлъ замѣтить этой страсти....

Солиманъ.

Благодарю, Ага, благодарю!...
Я знаю, ты ко мнѣ душей привязанъ;
Я испыталъ не разъ твои услуги.
Я вѣрю, если-бъ могъ Калифъ Востока
Имѣть надежнаго, прямаго друга,—
Ты, болѣе другихъ, къ тому способенъ.
Къ несчастію, Султанъ — не человѣкъ.
Намѣстникъ Магомета надъ Востокомъ,
Онъ, какъ Коранъ, быть долженъ одинокъ,
Неумолимъ, облитъ наружнимъ блескомъ!
Въ немъ сердца не должны Османе видѣть,
А только умъ, — холодный и ужасный!
Вотъ въ этомъ зерна силы Оттомановъ. —
Ты только понималъ меня одинъ;
И я любилъ простую откровенность;
И потому *тебя*, а не другаго,
Кизляръ-Агою сдѣлалъ; это мѣсто
Важнѣе и опаснѣе другихъ.
Ты часто разсуждаешь справедливо;
Но мысль твоя о Мустафѣ... (задумывается)

Ибрагимъ.

Калифъ!
Шестой десятокъ лѣтъ — уже не третій!
Османе видѣли тебя подъ Вѣной,
Подъ Будой, подъ Стригоніей, подъ Альбой;

Но позабышь, я думаю, успѣли...
А слава Мустафы теперь свѣжа;
Молва объ немъ торжественно шумна,
Какъ первый день великаго Байрама.
Онъ *вѣрно* расчиталъ свои шаги.
Онъ сыплетъ золотомъ не Визирямъ,
Не Беглербеямъ, не твоимъ рабамъ,
А Янычарамъ, Спагамъ.. Вотъ недавно
Твой Янычаръ-Ага пятнадцать тысячь
Піастровъ получилъ отъ Мустафы!

Солиманъ.

Позвать Агу! (нѣмой уходитъ) Послать пятнадцать тысячь!!
Откуда онъ сокровища беретъ?!

Ибрагимъ.

Откуда? Ты сбираешь ихъ — дарами,
Налогами, лишеніемъ имуществъ; —
Ему, какъ въ Мекку, сносятъ въ благодарность,
Безъ принужденія...

Солиманъ.

Безъ принужденья!
Я отто всѣхъ одно и то-же слышу.
Кизляръ-Ага! Опасенъ Мустафа,
Я сознаюсь; но горе Ибрагиму,
Когда кому нибудь онъ это скажетъ!

=

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ и ЯНЫЧАРЪ-АГА.

Солиманъ.

Пятнадцать тысячь! Щедръ чужой казною! —
Ты втайнѣ взялъ дары отъ Мустафы;

Дарю тебѣ сокровище другое,—
Рай Магомета! Ожидай тамъ друга,
Въ мѣшкѣ, съ мѣшкомъ!

(къ нѣмымъ)

Разтопленнымъ металломъ
Залейте горло Янычаръ-Агѣ!

=

ВЫХОДЪ 5.

СОЛИМАНЪ, ИБРАГИМЪ и НѢМЫЕ.

Солиманъ.

Послать-ли мнѣ вопросъ къ сѣдому Муфти,
Какую казнь законы назначаютъ
За преступленье Янычаръ-Аги? (36)

Ибрагимъ.

Да развѣ приговоръ несправедливъ?
За злато злато! Брось пустой обычай!
Назначь скорѣй надежнаго Агу!

Солиманъ.

Кого-же?

Ибрагимъ.

Амурата Ичоглана.
Онъ мнѣ извѣстенъ.

Солиманъ.

Я согласенъ. Русстенъ
Надеженъ-ли! Любимецъ Мустафы....

Ибрагимъ.

Надеженъ. Зять Султанши Роксоланы
Онъ больше будетъ думать о себѣ,
Чѣмъ о Хризулѣ.

Солиманъ.

Правда. — А другіе?

Ибрагимъ.

Другіе — илъ! Когда бушуетъ море
И грязный илъ — волной его мутится;
Когда спокойно море — илъ спокоенъ.

=

ВЫХОДЪ 6.

ТѢ-ЖЕ и НѢМОЙ (отдаетъ Ибрагиму записку.)

Ибрагимъ.

Отъ Рустена — Султану донесенье.

Солиманъ.

Подай!... Миръ съ Персами!! Ты слышишь, миръ!!
Онъ жить позволилъ Шаху! Испагань
Отмежевать не могъ къ моей Державѣ!!
Онъ сохраняетъ войско!.. Для чего?..
Что-бы возстать войной противъ отца!..—
Нарушены завѣты Солимана!
Миръ заключенъ безъ моего согласья!
Нѣтъ, кончено!... Гдѣ Рустенъ? Позовите!

(нѣмой уходитъ)

Вооружить всѣхъ Янычаръ и Спаговъ!
На корабли! Въ Амазію! Довольно!.....

Негодное отродье Солимана,
Не страстью зачала тебя Хризула,
А ревностью... Ревнуй теперь, Хризула!
Отдамъ тебя въ замужство злой пучинѣ!
Не мягокъ илъ подводный, онъ колючь;
Убійственны объятья ярыхъ волнъ;
Онѣ тебя любовію замучатъ!....

А ты, Востока бурный побѣдитель!
Луна моихъ небесъ, мой свѣтлый отблескъ,
Десница Солимана, сынъ мой, сынъ мой!..

=

На немъ покоились мои надежды!..
Ты согрѣвалъ хладѣющее сердце
Соревнованіемъ къ твоимъ побѣдамъ....
И Солиманъ вдвойнѣ стоялъ надъ міромъ!... —
Какъ радуга виситъ двумя концами,
Однимъ на югъ, другимъ на хладный сѣверъ,
Такъ Солиманъ и Мустафа стояли —
И, расходясь войною далѣ, далѣ, —
Весь міръ подъ семицвѣтную дугу
Вдавить хотѣли! Кончено! Мечты
Разрушены. Единый Солиманъ,
Какъ Ангелъ смерти — безконечный міръ
Обрушитъ въ безконечную могилу! —

О Мустафа, когда-бъ ты понялъ горе
Убитаго отца?! Когда-бъ, оставивъ
Безумное желанье мятежа
И собственной погибели, ты прибылъ
Въ мой Истамболъ, въ отцевскія объятья?! —
Я-бъ ожилъ прежней жизнью Солимана,
И мысль моя о покоренья Свѣта
Всплыла-бъ надъ нимъ кровавою кометой!

Но сына потерять!! — Сгоритъ Сераль,
Иль Истамболъ, то дѣло рукъ людскихъ!
Опять построилъ и еще прекраснѣй,
Великолѣпнѣй; нужно только денегъ!
Но сына потерять, такого сына,
Который, постепенно, двадцать лѣтъ,
День отъ дня мнѣ дѣлался дороже!!..

Міръ трепеталъ не даромъ Солимана!
Единый разъ Карлъ Пятый покусился
На тайное убійство — и напрасно!
А почему? — Всѣ знали, что за мной
Стоитъ мой сынъ, мой юный Мустафа!
Съ отцевскою душей, съ отцевскимъ сердцемъ!
Я съ гордостью смотрѣлъ на Мустафу;
И говорилъ не разъ въ душѣ глубокой:
«Я вмалѣ богъ передъ моимъ рожденьемъ!»
Такого сына потерять!... Ужасно!....

Ибрагимъ.

Ужасно! Этотъ сынъ краса Востока!
Но дерзость Мустафы не обѣщаетъ
Хорошихъ склонностей души. — Союзъ
Съ Персидскимъ Шахомъ — можетъ обаять
Народную толпу; война ей въ тягость;
Ужъ тридцать лѣтъ не умолкаютъ громы;
На трехъ концахъ Европы — Янычары
Ждутъ только появленья Солимана!
По морю ходитъ Корадинъ разбитый,
Въ Египтѣ рать, въ Натоліи другая;
Война горитъ, какъ вѣчная свѣтильня. —
Вотъ первый миръ, войны кровавой плодъ...
Не скажутъ Мустафѣ въ упрекъ ни слова,
А упрекнутъ того, кто не одобритъ
Столь выгоднаго мира.

Солиманъ.

Говори!
Миръ миромъ, а война пойдетъ войною...
Я самъ иду на Персію. —

=

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ и РУСТЕНЪ.

Солиманъ.

Что, Рустенъ? —

Рустенъ.

Владыка правовѣрныхъ! Мустафа
Пріѣхалъ въ Истамболъ...

Солиманъ.

Пророкъ Великій,
Видалъ-ли ты когда такую дерзость?!
И ты впустилъ его спокойно въ гавань?
Когда онъ плылъ, — ты радовался, Рустенъ,
Что другъ и благодѣтель твой — такъ близко!
И ты не зналъ, что Мустафа ужъ въ морѣ,
Лазутчики тебѣ не донесли?!
Въ дурныхъ рукахъ Блистательная Порта!

Рустенъ.

Владыка правовѣрныхъ! Чаушъ-Баши.
По моему велѣнью, — разослалъ
Во всѣ концы Натоліи гонцевъ;
Но ни одинъ назадъ не возвращался.
Ты повелѣлъ, — я къ Мустафѣ не смѣлъ
Ни буквы написать; и вотъ теперь,
Когда онъ прибылъ, я не шелъ къ нему
На встрѣчу, нѣтъ! Калифъ, къ стопамъ твоимъ
Я поспѣшилъ съ извѣстьемъ непріятнымъ.

Солиманъ.

Гдѣ-жъ Мустафа?

Рустенъ.

По улицамъ Стамбола,
Онъ медленно идетъ къ вратамъ Сераля;
Предъ нимъ съ Персидскимъ золотомъ мѣшки;

Онъ объявляетъ всѣмъ о славномъ мирѣ
И въ доказательство добычу сыплетъ
Межъ Янычаръ и Спаговъ Истамбольскихъ.

Солиманъ.

Кизляръ-Ага, подай мои кинжалы,
Возьми свои, дай Рустену оружье!
Скорѣй!...

=

ВЫХОДЪ 8.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ИБРАГИМА.

Солиманъ.

Несчастный побѣдитель Персовъ!
Приму тебя великолѣпной раной,
Великолѣпнымъ остріемъ кинжала!
(къ нѣмымъ и рабамъ бѣлымъ)
Капы-Агу съ рабами позовите
И сами всѣ сюда! — Въ врата Сераля
Впустите Мустафу, а Янычаръ
И Спаговъ непускать на дворъ Сераля!
Проворно звѣри! Медленность опасна!
(нѣсколько бѣлыхъ уходятъ)
Я сыну долженъ дать теперь сраженье!
Увидите, кто лучшій полководецъ!

=

ВЫХОДЪ 9.

ТѢ-ЖЕ, КИЗЛЯРЪ-АГА и толпа разнаго рода рабовъ.

Солиманъ (взявъ кинжалы)

Кинжалы на голо̀! Глаза ко мнѣ!
Хоругвь — ударъ моей ноги о землю!
Возгласъ — да будетъ проклятъ сынъ Хризулы!
(толпа рабовъ, обнаживъ кинжалы, дѣлаетъ широкое полукружіе: Рустенъ и Ибрагимъ становятся за Солиманомъ)

=

ВЫХОДЪ 10.

ТѢ-ЖЕ, МУСТАФА, безъ оружія и КАПЫ-АГА съ бѣлыми.

Солиманъ.

Войди, войди!... На судъ!.. На грозный судъ!..
Мятежный рабъ, сюда, предъ наши очи!...

Мустафа (упавъ ницъ)

Отецъ...

Солиманъ.

Молчи! Нѣтъ у тебя отца!
Отецъ твой умеръ; Солиманъ живетъ,
Живетъ на казнь невольникамъ мятежнымъ!

Кизляръ-Ага (тихо Султану)

Не время-ли?

Солиманъ.

Нѣтъ, Ибрагимъ, позволь
Натѣшиться его предсмертнымъ часомъ!
Другимъ Пашамъ — снурокъ, и я спокоенъ;
Я не могу презрѣнной крови видѣть;
Но въ немъ кровь Солимана, кровь Хризулы;
Чистѣйшій огнь великаго Пророка
И смрадная вода болотной ямы....

Съ пріѣздомъ поздравляю, Мустафа!
Встань Пади-Шахъ! Тебѣ-ль лежать во прахѣ?
Вотъ дверь къ престолу, вотъ къ Дивану дверь,
Вотъ дверь въ Гаремъ! — На гордомъ кораблѣ
Ты думалъ-ли, что есть другія двери
Въ рай Магомета? — Янычаръ-Ага
Пошелъ туда съ мѣшкомъ въ пятнадцать тысячь,
Что ты ему прислалъ! — На небесахъ
Дешевле жить, чѣмъ въ этомъ глупомъ свѣтѣ;

Персидскимъ злашомъ и Персидскимъ миромъ
Тамъ Смирнской винной ягоды не купишь!

Ты мой, ты мой! На всѣхъ дворахъ Сераля
Ни одного не встрѣтишь Янычара!

Я сяду, отдохну! А ты помучься;
Подумай, если хочешь, о Хризулѣ,
О Персіи и о Персидскомъ мирѣ!
Помучься, другъ! Я мучился довольно.

(сидя)

Смотри! Рабы!.. Обнажены кинжалы!
Смотри, твой другъ съ кинжалами; смотри,
Кизляръ-Ага съ кинжалами!..

(со смѣхомъ)

Ты спрашенъ?
Ты волкъ, а мы охотники.... Молчишь?...
Коверъ ему подайте для молитвы;
Онъ съ нами говорить не хочетъ! — Тише!
Священный часъ! Мы замолчимъ на время...

Мустафа (спокойно)

Ангелъ смерти, конченъ путь!
Жизнь моя тебѣ извѣстна;
Не тревожь меня въ могилѣ!

Слава дѣлъ моихъ шумитъ.
Заглуши ее, мой ангелъ,
Чистой славой Солимана!

Отъ Востока до Заката,
По лицу земли широкой,
Бунчуками Солимана
Ограничь его Державу! —

Ангелъ смерти, предъ Пророкомъ
Разскажи мои грѣхи!

Я забылъ, но ты припомнишь:
Въ чемъ, въ теченьи краткой жизни,
Я завѣтъ его нарушилъ.

Съ чистой совѣстью и сердцемъ,
Я безтрепетно иду
Отъ того принять кончину,
Отъ кого я принялъ жизнь.

Султанъ, твой сынъ невиненъ...

ИБРАГИМЪ (тихо Султану)

Не пора-ли?

(Солиманъ, безмолвный, недвижными очами задумчиво глядитъ на Мустафу)

МУСТАФА.

Прощенья не прошу Одинъ преступникъ
Прощенья проситъ. Не прошу пощады! —
Султанъ! — Отцемъ тебя не называю,
Ты запретилъ, отъ Мустафы отрекся;
За что? Незнаю. Тотъ еще невиненъ,
Кто своего не знаетъ преступленья.
Но можетъ быть невольно я нарушилъ
Желанія твои. — Суди меня!
Позволь мнѣ оправдаться, если хочешь;
Когда не хочешь, — я въ твоихъ рукахъ.
Но не спѣши еще ненужной казнью;
Еще успѣешь... Я одинъ пришелъ
И даже мой корабль назадъ отправилъ,
Чтобъ клеветѣ не дать напрасной пищи. —
Я здѣсь одинъ; не сыномъ Солимана,
А какъ Османскій вождь, какъ твой Паша!
Отдавъ тебѣ отчетъ въ дѣлахъ Востока,

Изъ рукъ твоихъ я самъ возьму снурокъ!
Я безъ оружія. Вели повѣрить
Мои слова.

(Солиманъ, молча, какъ-бы невольно, даетъ знакъ рукою; Капы-Ага обыскиваетъ Мустафу)

Теперь ты безопасенъ! —
Какъ древній Солиманъ, какъ побѣдитель
Могучей Венгріи, Морейской черни,
Великодушнаго Родоса, — слушай!
Не много словъ, но въ нихъ заключены:
Три государства, сотня городовъ,
Два моря и рабовъ до милiона. —
Еще не все. Угасъ расколъ Персидскій;
Шахъ принялъ наши книги и Имамовъ.
И то не все. — Персидскій Шахъ — твой *данникъ*!..

Солиманъ.

Повѣришь-ли?

Мустафа (вынявъ свитокъ)

Вотъ хартія, Султанъ;
Вотъ подписи, вотъ клятвы. — Мустафа
Не могъ не заключить такого мира
И хартіи не могъ другому ввѣрить. —
Султанъ, гдѣ твой снурокъ?

Солиманъ.

Въ моихъ объятьяхъ!

Мустафа.

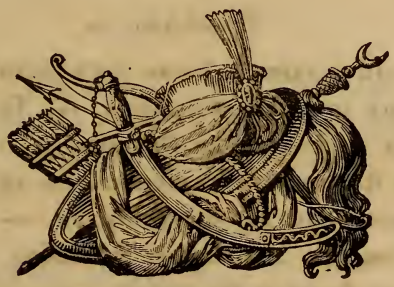
Родитель!

Солиманъ (обнимая Мустафу)

Здѣсь умрешь ты, Мустафа,
Здѣсь, на отцевскомъ сердцѣ Солимана!

Земля, теперь раскинь свою обширность!
Намъ будетъ тѣсно въ этомъ узкомъ мірѣ!
Рабы, по Истамболу пробѣгите,
Скажите Муэзинамъ, пусть кричатъ
И созовутъ къ молитвѣ правовѣрныхъ!
Изъ пушекъ гряньте по волнамъ Босфора!
Весь Истамболъ огнями освѣтите!
Молитесь; богъ благоволитъ Османамъ!
Великъ Пророкъ, великъ его Намѣстникъ!!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.



АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ВЪ ИСТАМБОЛѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Площадка; по правую руку мечеть Солимана, по лѣвую Эски-Серай; вдали рядъ домовъ съ садами и кіосками; вечеръ темный. Множество народа, обративъ глаза на Западъ, въ сторону Эски-Серая, покрываетъ площадку, стѣны дворца и крыши домовъ.

ВЫХОДЪ 1.

Народъ.

Что̀, долго-ль ждать? Давно ужъ солнце сѣло;
Пора-бъ лунѣ на небо выплыть. — Тучи
Отъ Сѣвера влекутся на Закатъ,
Какъ жены Франкскія за мершвымъ тѣломъ. —
Заволокло весь Западъ; быть грозѣ. —
А если въ этотъ день гроза на небѣ,
Не миновать бѣды и на землѣ. —
Пророчь, колдунъ! Знать янычарской палки
Не пробовалъ. Пріятель, вашъ Ага
Страшнѣе былъ, не трусили. — Молчать!
Предъ Рамазаномъ ссориться не должно,
А онъ глядитъ, какъ мотылекъ изъ куклы.

Дервишъ.

Луна плыветъ когда почіетъ солнце!
Луна ясна, когда темнѣетъ солнце!
Тринадцать лунъ; Алла избралъ одну,
На ней спустилъ онъ Алъ-Коранъ Пророку
Какъ на подносѣ золотомъ — Надъ Меккой

Она виситъ очередей двѣнадцать;
Въ тринадцатую череду изъ Мекки
Она идетъ, черезъ Дамаскъ и Смирну,
На Истамболъ; отсюда (въ Черномъ морѣ
Омывшись тридцать разъ) идетъ въ Медину;
Гоститъ тамъ три дни свѣтлаго Байрама
И снова гробъ Пророка освѣщаетъ.

Въ народѣ (который тѣснится около Дервиша)

Скажи, Дервишь, я слышалъ на лунѣ
Есть письмена....

Дервишь.

Луна — печать Пророка;
На ней начертаны семь буквъ начальныхъ
Семи именъ блистательныхъ Аллы.

Въ народѣ.

Блеснуло что-то въ облакахъ.....

Дервишь.

Зарница,
Домашній поясъ Ноя; въ день Байрама
Онъ носитъ радугу...

Въ народѣ.

Гремитъ!

Дервишь.

Молитесь!
То ангелы — хранители Султана
Гремятъ на трубахъ.

Въ народѣ.

Гулъ великолѣпный!

Дервишъ.

Молчите! Грѣхъ болтать во время грома.

=

ВЫХОДЪ 2.

РУСТЕНЪ, вслѣдъ за нимъ ИБРАГИМЪ переодѣтый; народъ въ глубокомъ молчаніи.

Рустенъ.

Эски-Серай! — Здѣсь мудрый Ибрагимъ
Свиданіе назначилъ....

Ибрагимъ.

Тише, дятелъ,
Стучи по дереву, придетъ охотникъ.

Рустенъ.

Ну, что-жъ твоя всесильная Султанша?

Ибрагимъ.

Согласна. Я ей кратко разсказалъ:
Камъ дѣлу быть. Честолюбивый змѣй
Безчисленными кольцами обвился
Вокругъ моихъ обдуманныхъ совѣтовъ.

Рустенъ.

И такъ въ мечеть!...

Ибрагимъ.

Постой еще не все!
Вотъ бѣдный ящикъ съ богатѣйшимъ сердцемъ

Ты отошли его къ сѣдому Муфти,
Отъ имени прекрасной Роксоланы;
А лучше самъ отдай. Къ тому прибавь,
Что если Муфти будетъ такъ уменъ,
Какъ столь ученому прилично мужу,
Какъ былъ до нынѣ, — чрезъ его ворота
Не малыя сокровища Востока
Невидимой рѣкою проплывутъ,
Легко поняшь въ какое море. Можешь
Дашь отъ себя подарокъ; отъ меня
Онъ получилъ довольно. До свиданья!
Постой, еще не все! Когда услышишь
По Истамболу крикъ — ищи преступныхъ
Въ противной сторонѣ — и янычаръ
Бери подъ стражу сколько будетъ можно.

Народъ (волнуясь)

Луна! Луна! Луна! — Еще не видно. —
Въ горахъ мы видѣли ее. — Луна!

=

ВЫХОДЪ 3.

Народъ.

Вотъ туча разошлась, луны не видно!
А видишь блескъ, сей часъ всплыветъ она!
Вотъ Муэзины заходили... Выстрѣлъ!

(Луна показывается)

Луна взошла! Луна!

Муэзины (на минаретахъ, въ разныхъ сторонахъ)

Великъ Алла!
Великъ Алла! Нѣтъ бога, кромѣ бога
А Магометъ — Пророкъ его!

*

НАРОДЪ (уходя въ мечети)

Луна,
Какъ красный серпъ въ крови!

МУЭЗЫНЫ.

Великъ Алла!
Великъ Алла! Нѣтъ бога, кромѣ бога
А Магометъ — Пророкъ его! — Въ Мечети!
Молитесь и ядите!

=

ВЫХОДЪ 4.

ТОЛПА НИЩИХЪ (бѣгая и останавливая идущихъ въ мечети)

Кто богатъ,
Пусть рису дастъ на бѣдныхъ; кто богатъ,
Пусть броситъ аспръ на бѣдныхъ; кто богатъ,
Тотъ рису дастъ, тотъ броситъ аспръ на бѣдныхъ.

=

ВЫХОДЪ 5.

НИЩІЕ и ИБРАГИМЪ (у ограды Эски-Серая)

ИБРАГИМЪ.

Сюда, ночные псы!

НИЩІЕ (бросаясь къ нему)

Негръ!! Отъ кого?

ИБРАГИМЪ.

Самъ отъ себя! Я духъ, ночная тѣнь...

НИЩІЕ (отступая)

Назадъ, назадъ!!

Ибрагимъ.

Не бойтесь, я не спрашенъ,
Пока хочу быть милостивымъ съ вами;
Но если въ комъ замѣчу непокорность,
Или сомнѣніе души нетвердой, —
Не позабудьте, въ Рамазанъ не спятъ;
Я съ вашими дѣтьми начну бесѣду,
И къ утру, вмѣсто сна, найдете слезы...
Сюда, къ оградѣ! Вотъ мѣшокъ съ деньгами,
Цекины, какъ одинъ; но дайте клятву,
Что вы возгласъ мой громко повторите
Въ полкъ межъ здѣшнихъ Янычаръ и Спаговъ,
Когда они съ Султаномъ Мустафой
Мечеть оставятъ....

Нищіе.

Мустафа — Султанъ?!

Ибрагимъ.

Молчать, рабы!.. Въ ночь первую поста
Не хочетъ онъ такой печальной вѣстью
Тревожить Испамболъ; но Солиманъ
Скончался.. Что-жъ, хотите этихъ денегъ?

Нищіе.

Хотимъ, хотимъ, ночная тѣнь, клянемся!

Ибрагимъ.

Прочнѣй клянитесь!

Нищіе.

Меккой и Мединой
И Алъ-Кораномъ Магомета...

Ибрагимъ (отдавая деньги)

Вотъ вамъ;
Дѣлитесь и кричите мой возгласъ:
«Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!»
Я не оставлю васъ и если кто
Великой клятвы не исполнитъ, горе!
Я знаю всѣхъ: накормятъ васъ Цекины,
А напоятъ чудовища Босфора
Иль страшныя видѣнья черной ночи!

=

ВЫХОДЪ 6.

НИЩІЕ.

Кричать-ли? — Да, не закричи, такъ дѣти
Начнутъ кричать другими голосами. —
А какъ поймаютъ? — Черный духъ всесиленъ;
Ночною тѣмой отъ янычаръ закроетъ.

=

ВЫХОДЪ 7.

Солиманъ, Мустафа, Капы-Ага, бѣлые Евнухи, Янычары, Народъ.

Въ народѣ.

Султану Солиману долголѣтье!
Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!

Солиманъ.

Что это значитъ?! Дерзкіе рабы!!
Пока я живъ, не будетъ двухъ Султановъ!

Въ народѣ.

Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!

Солиманъ.

Умолкните! Капы-Ага, лови!
Весь Истамболъ ты можешь взять подъ спражу!

Въ народѣ (вдали)

Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!
Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!

=

ВЫХОДЪ 8.

ТѢ-ЖЕ, РУСТЕНЪ, ЯНЫЧАРЪ-АГА и Янычары.

Рустенъ.

О, это янычары....

Солиманъ.

А, ты здѣсь?
Откуда?..

Рустенъ.

Изъ Ахметовой Мечети!
Позволь, Калифъ, теперь ловить преступныхъ;
Ихъ множество. Ты видишь, Янычары,
При свѣтѣ минаретныхъ фонарей,
По улицамъ кочуютъ Истамбола.
Позволь разсѣять ихъ...

Мустафа.

Нѣтъ, собери!
Изслѣдуй, отъ чего ихъ преступленье?
Ихъ подучили; чернь сама собой....

Солиманъ.

Какая чернь?! Ты молодъ, Мустафа.

Въ народѣ (вдали, едва слышно)

Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!

Солиманъ.

Лови ихъ, Рустенъ! И кого поймаешь,
Веди въ Сераль; не даромъ Рамазанъ
Кровавымъ окомъ выглянулъ изъ облакъ...
Спѣши, Визирь, я жду тебя въ Сералѣ.

(всѣ расходятся)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Покои Мустафы въ Сералѣ.

ВЫХОДЪ 1.

Бѣлые евнухи (приносятъ яства)

Первый Евнухъ.

Кто будетъ съ свѣтлымъ сыномъ Пади-Шаха
Трапезу раздѣлять?...

Второй.

Никто не будетъ
«И самому, я думаю, ему (*)
«Теперь ни ѣсть не хочется, ни пить;
«Онъ алчетъ сирахомъ, жаждетъ подозрѣньемъ.

Первый.

«Но отъ чего, Гуссейнъ, ты полагаешь?....

Второй.

«Вотъ отъ чего.... По улицамъ столицы,
«По старому обычаю, народъ

(*) Слѣдующіе стихи, означенные » поставлены здѣсь, въ замѣнъ предшествовавшаго явленія, которое на здѣшней сценѣ въ представленіи пропускается.

«Ждалъ появленія луны.... На крышахъ,
«На каменныхъ оградахъ, на горахъ,
«Какъ саранча на полѣ, Мусульмане
«Волнистыми шумѣли облаками;
«Султанъ и Мустафа, ночь Рамазана
«Пришли встрѣчать въ Мечети Солимана....
«Темнѣло медленно; съ высокихъ башень
«Увидѣли луну; вздохнула пушка
«Обычнымъ вздохомъ; и на минаретахъ,
«Какъ тѣни, заходили Муэзины;
«Какъ ароматъ широкими крылами
«Всплываетъ, постепенно разрастаясь,
«Такъ пѣсни чутъ примѣтныхъ Муэзиновъ
«Невидимою сѣтію сплѣтались
«И Мусульманъ къ молитвѣ призывали.
«Ограды, крыши, горы опустѣли;
«Оставивъ обувь у дверей мечетей,
«Османе пѣли; въ мертвомъ Истамболѣ
«Казалось пѣтъ живыхъ людей, а трупы, —
«Покинувъ ихъ завѣтныя могилы,
«Вечернія молитвы исполняли;
«И только фонари на минаретахъ
«Свѣтлѣли какъ забытый отблескъ жизни.
«Окончились молитвы; Солиманъ
«И Мустафа, межъ янычаръ и спаговъ,
«Шли весело.... Вдругъ крикъ со всѣхъ сторонъ:
««Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!..
««Султану Мустафѣ привѣтъ и слава!..»
«Остановился Солиманъ и, мрачно
«Кровавымъ окомъ посмотрѣвъ на мѣсяцъ,
«Который плылъ надъ нимъ серпомъ кровавымъ,
«Онъ глухо просипѣлъ: «Капы-Ага, лови!
«Весь Истамболъ подъ стражу!» — А народъ

«Какъ будто посмѣваясь надъ Султаномъ,
«Свой странный крикъ упрямо повторялъ
«Откуда этотъ крикъ? — Презрѣнный подкупъ,
«Иль тайный голосъ сердца Мусульманъ?..
«И самъ Кизляръ-Ага того незнаетъ!
«Вотъ Мустафа.... Друзья необнаружьте,
«Что вамъ извѣстенъ слухъ о странномъ крикѣ...»

=

ВЫХОДЪ 2.

МУСТАФА и Бѣлые Евнухи.

Мустафа.

Прочь яства и напитки медовые.
Безъ яда отравляютъ Мустафу!..
Уйдите! Мнѣ не нужно ни кого!...

=

ВЫХОДЪ 3.

МУСТАФА (одинъ)

Что значитъ этотъ крикъ? обманъ, иль подкупъ!
Но кто и для чего?.. Вотъ эта тайна
Тяжелымъ камнемъ на сердце лежитъ! —
Отецъ жестокъ, неумолимъ, ужасенъ;
На міръ онъ смотритъ старыми очами,
Все для него облечено въ сомнѣнья;
Рабы его, — какъ ночь, темны и нѣмы;
Въ нихъ ужасъ казни, сохраняетъ тайну!

=

ВЫХОДЪ 4.

МУСТАФА и РУСТЕНЪ.

Мустафа.

А, Рустенъ, я въ тебѣ несомнѣвался;
Ты друга не забылъ, благодарю!
Но ради звѣздъ, очей безсонной ночи,
Ты объясни мнѣ тайну страныхъ козней,
Которыми опутали меня....
Что значитъ крикъ, что значитъ гнѣвъ Сулиана?

Рустенъ.

О, радуга Османовъ, тише, тише!
Здѣсь стѣны слышатъ; воздухъ не надеженъ;
Тебя, какъ льва, безсонно стерегутъ!
Всему одна причина — Роксолана!

Мустафа.

Неужели ей мало страшной жертвы,
Которую принесъ ей Солиманъ?

Рустенъ.

О, далеко ея стремятся мысли!
Великій сынъ Хризулы оскорбленной,
Онъ отомститъ за мать свою ужасно;
А Раксолана также мать.....

Мустафа.

Такъ что-же
Тутъ можетъ безпокоить Роксолану?..

Рустенъ.

Смерть Солимана... Пылкая Хризула
Въ припадкѣ ревности и огорченья —

Въ присутствіи невольницъ — поклялась, —
Коль скоро мечь Султановъ препояшетъ
Тебя въ нѣмой обители Дервишей,
Предать ужасной казни Роксолану
И всѣхъ дѣтей ея! — Ты самъ подумай,
Кого такая клятва не встревожитъ
И не заставитъ мѣръ принять надежныхъ
Для безопасности своей?...

Мустафа.

О матерь!
И ты, и ты меня не понимала!
О, я-бъ умѣлъ обычаи Гарема
Нарушить въ пользу браній; я-бъ умѣлъ
Ихъ братскими облобызать устами,
Почтить въ нихъ кровь, текущую во мнѣ!
И Роксолана вѣрила Хризулѣ?

Рустенъ.

Кто предъ опасностью не содрогнется?
И мужу трудно смерть безъ страха встрѣтить;
Но женщинѣ и женщинѣ прекрасной,
Женѣ любимой, матери счастливой,
Не привлекателенъ рай Магомета..!..

Мустафа.

И такъ чего-же хочетъ Роксолана?

Рустенъ.

Твоей погибели! — Ты измѣнился;
Смерть тайная для воина безчестна;
Я чувствую, какъ сердце у тебя
Презрѣніемъ трепещетъ справедливымъ.

Мустафа.

Скажи вѣрнѣй, презрѣньемъ и насмѣшкой. —

Рустенъ.

Не говори! Тамъ хороша насмѣшка,
Гдѣ сила есть ее осуществить;
Но Роксолана не глупа; въ Сералѣ
Ты не имѣешь друга; и напротивъ;
Вокругъ тебя толпа враговъ, какъ воздухъ;
Какъ тайное, подземное гнѣздо
Невидныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ...
Мысль каждую твою, твой взоръ иль слово
Они несутъ въ свой смрадный муравейникъ
И, тамъ обливъ отравой подозрѣнья,
Ту мысль бросаютъ въ сердце Солимана...

Мустафа.

Что слышу? Заговоръ?

Рустенъ.

Да, заговоръ
И заговоръ опасный! Всѣ Евнухи,
Чины Сераля, даже Янычары,
Теперь въ рукахъ коварной Роксоланы;
Она умѣла отъ лица Султана
Къ тебѣ расположенныхъ, удалить;
Капы-Ага, мужъ преданный тебѣ
И Янычаръ-Ага, слуга твой вѣрный,
Кизляръ-Ага Ахметъ, всѣ Ичогланы,
Что ненависть къ ея питали дѣтямъ, —
Ихъ нѣтъ давно! Какъ псы, на чуткой стражѣ,
Два черные раба сидятъ въ Сералѣ;
Одинъ Кизляръ, другой Капы-Агой;
Они вращаютъ тайной заговора....

Мустафа.

Но какъ-же ты остался, добрый Рустенъ!

Рустенъ.

Я самъ въ томъ заговорѣ! Бракъ съ Каяной
Меня закрылъ отъ хитрой Роксоланы; —
Я для тебя пожертвовалъ Гаремомъ,
Я для тебя вступилъ въ союзъ съ Султаншей
И хитрость противъ хитрости поставилъ!!

Мустафа.

Благодарю, мой другъ, благодарю!
Я вѣрю ты принесъ большую жертву;
Ручаюсь, сожалѣть о томъ не будешь.
Теперь одно намъ средство остается —
Итти къ Султану и открыть ему
Всѣ козни Роксоланы....

Рустенъ.

Невозможно! —
Ты думаешь, — ужасный Солиманъ
Еще великъ, какъ былъ великъ когда-то?
Жизнь измѣняетъ сердце человѣка;
И часто добрый человѣкъ, на старость
Становится злодѣемъ; а злодѣй
Удобрится передъ явленьемъ смерти.
И Солиманъ идетъ такой дорогой; —
Побѣды, счастье, слава — ядовиты; —
Славолюбивая душа — подобна
Ревнивой женщинѣ, а эта ревность
Давно горитъ въ его ужасномъ сердцѣ...
Я самъ давно могъ заговоръ открыть;
Но разсчиталъ, что никогда Султанъ,
Не приметъ стороны твоей! Какъ будто

Онъ слѣпъ? Невидитъ козней Роксоланы?
Повѣрь: онъ знаетъ лучше насъ съ тобой
Къ чему ведутъ его и, въ злобномъ сердцѣ,
Онъ жаждетъ быть обманутымъ скорѣе!

Мустафа.

Не клевещи, почтенный Рустенъ...

Рустенъ.

Другъ!
Быть можетъ, я безумно откровененъ.
Быть можетъ, эти рѣчи мнѣ готовятъ
Ужасную кончину! Предъ отцемъ
Упомяни объ нашемъ разговорѣ
И — я погибъ.

Мустафа.

О, будь спокоенъ, Рустенъ!
Клянусь луной блестящей Рамазана,
Да не увижу трехъ великихъ дней
И матери Хризулы, если тайнѣ
Когда нибудь коварно измѣню!

Рустенъ.

Къ чему мнѣ, Мустафа, такія клятвы?
Я говорю по приказанью сердца,
Которое тебя безмѣрно любитъ!
Нельзя искать защиты у Султана...

Мустафа.

Такъ что-жъ намъ дѣлать?...

Рустенъ.

Я и самъ не знаю. —
Остановить стремленія Султанши
Нельзя. Змѣя невѣритъ въ безопасность

И мертвеца коварная ужалитъ,
На всякій случай, чтобы больше умеръ,
Чтобъ не воскресъ нечаянно.... Однако
Недумаю, что въ столь прекрасныхъ персяхъ,
Въ алмазѣ безконечнаго Востока,
И добрыя не прозябаютъ зерна....
Ее тревожатъ дѣти; если-бъ ты
Рѣшился... Можетъ быть... Но это средство
Сопряжено съ опасностью великой....

Мустафа.

Какое-жъ это средство?...

Рустенъ.

Объяснится
Наединѣ съ Султаншей; взять съ собой
Коранъ Пророка, успокоить клятвой,
Что ни она, ни дѣти не погибнутъ;
Что сынъ Селимъ по смерти Солимана
Владѣть Египтомъ будетъ съ островами,
А Баязетъ Наполіей съ Востокомъ;
Что Роксолана будетъ жить въ Капрѣ,
Въ Амазіи, въ Стамболѣ, какъ захочетъ....

Мустафа.

На единѣ съ любимою Султаншей,
Среди рабынь, въ Гаремѣ объяснятся!!..
Естественная невозможность....

Рустенъ.

Другъ мой!
Теперь не Солиманъ, а Роксолана
Гаремомъ и Сералемъ управляетъ. —
И если-бъ захотѣла Роксолана
Перевести Джирида въ сады Гарема,

Ручаюсь, Солиманъ бы согласился,
А Муфти подписалъ-бы приговоръ. —
Тотъ Солиманъ, кого широкій міръ,
Какъ грома трепеталъ, — теперь трепещетъ
Предъ гнѣвнымъ взоромъ гордой Одалиски;
Кизляръ-Ага — всесильнаго Султана,
Какъ-бы сѣдой, рабами окружилъ
И только тѣ къ нему доходятъ вѣсти,
Которыя Кизляръ-Агѣ угодно
Султану сообщать.... О Мустафа!
Я съ огорченьемъ это говорю; —
Колеблется Блистательная Порта! —

Мустафа.

И такъ ты думаешь, Гаремъ Султанши...

Рустенъ.

Послѣднее, единственное средство!...

Мустафа.

Какимъ путемъ?..

Рустенъ.

На то у насъ Каяна!
Я къ мамери въ Гаремъ ее пошлю
И черезъ часъ отвѣтъ полученъ будетъ!...
Межъ тѣмъ тебѣ совѣтую сокрыться
Куда нибудь на нѣсколько часовъ;
Не вѣрю я и ночи Рамазана,
И дню Байрама! Каждое мгновенье,
Мнѣ кажется, спѣшитъ тебѣ на гибель...

Мустафа (положивъ руку на кинжалъ)

Убійство?..

Рустенъ.

Другъ! Что значитъ твой кинжалъ
Передъ безчисленной толпой Евнуховъ?!...

Пойдемъ ко мнѣ!.... Коль скоро мы получимъ
Отвѣтъ благопріятный, можетъ быть,
Рѣшитъ судьбу Востока — примиренье.
Не то, — мои готовы корабли!
Въ открытомъ морѣ, передъ гордымъ Римомъ,
Передъ Неаполемъ, иль предъ Туниcомъ,
Ты поведешь съ отцемъ переговоры!
Цѣной побѣдъ искупишь примиренье,
А можетъ быть и самая судьба
Торжественно твой жребій изречетъ. —
Пойдемъ! —

Мустафа.

Пойдемъ! Всесильная судьба
Присутствіемъ твоимъ мнѣ грѣетъ сердце!
На бурномъ морѣ ты одинъ, какъ якорь,
Не отдаешь меня волнамъ на жертву...
Пусть эти слезы будутъ для тебя
Залогомъ благодарности! Пойдемъ! —

(уходятъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Цвѣтникъ; съ правой стороны домъ, внутри освѣщенный, съ рѣшетчатыми окнами, балконами и галлереями; съ лѣвой входъ; кругомъ высокая сквозная ограда, дающая видъ въ сады Сераля; платаны возвышаются у столбовъ ограды; вдали, сквозь чащу деревъ, видѣнъ Босфоръ, слабо освѣщенный луною.

ВЫХОДЪ 1.

Роксолана (сходитъ въ цвѣтникъ; за оградой у входа черный рабъ)

Ночь Ромазана! И въ моей душѣ
Былыя пробуждаются видѣнья!

Не смѣло я иду на бой послѣдній;
Я чувствую смущенною душей:
Кого-то судятъ въ сумракѣ ночномъ
Безплотные, таинственные духи;
Кому-то казнь готовятъ и смѣются,
Чему смѣялся прежде подсудимый...
Я вся дрожу! Что̀, если въ самомъ дѣлѣ
Семиимѐнный богъ владѣетъ міромъ
И рай и адъ за гробомъ существуютъ?!.
Темно... Луна чуть блещетъ... Кипарисы,
Какъ великаны, въ небеса восходятъ;
Не это-ли свидѣтели нѣмые
Ночныхъ дѣяній? — Море тихо ропщетъ;
Неужели сей говоръ безъ значенья?
Съ кѣмъ вѣтръ ведетъ унылую бѣсѣду?
Зачѣмъ мы любимъ жизнь, не любимъ смерти?
Что̀ я, что Солиманъ, что Ибрагимъ?
Загадки, привидѣнія ночныя —
Иль существа и съ цѣлью и съ причиной?
Кто исключаетъ насъ изъ свѣтлой жизни,
Невольно, безъ насильственныхъ орудій?
Вѣдь смерть не только отъ снурковъ и яду;
Есть смерть и на одрѣ болѣзни тяжкой.
Недугъ — отрава; — отъ кого-жъ она? —

Скажите, гдѣ отчизна Роксоланы?
Тамъ вѣрно есть Алла и Магометъ,
Имамы, Дервиши, и Муэзины;
Не мѣлкія игрушки Исламизма,
А въ истинѣ, въ святой и вѣрной правдѣ
Существъ непостижимыхъ образа!
О боги Роксоланы! Что̀ вы, гдѣ вы?
Вы одобряете-ль ея поступки?
Вы видите-ль ея дѣянья ночью?

*

Иль также ропотомъ ничтожнымъ моря,
Безмолвіемъ бездушныхъ кипарисовъ
Пугаете одно воображенье?
Когда всесильны вы, то отвѣчайте
Какимъ нибудь понятнымъ мнѣ глаголомъ!
Молчите?.. Такъ, нѣтъ бога, кромѣ жизни!
Вотъ божество безвѣрной Роксоланы!
Святая жизнь! Передъ твоимъ кумиромъ,
Кровавыя принесть готовлюсь жертвы!
На алтарѣ такого божества
И Солиманова ничтожна голова!

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и БАЯЗЕТЪ (бѣжитъ по саду, держа въ одной рукѣ обнаженную саблю, въ другой факелъ)

Роксолана.

Я слышу шумъ! Въ саду бѣгутъ съ огнями!
То не рабы!.. Что вижу? Баязетъ!!...

(рабъ его не впускаетъ)

Впустите, это сынъ мой!

Баязетъ (врываясь въ цвѣтникъ)

Роксолана!
Межъ нами будь посредницей... Селимъ
Сюда бѣжитъ... Спасай его отъ смерти!..
Ты видишь: сабля! Знаешь Баязета!
Блеснетъ булатъ — и кровь Селима брызнетъ!

Роксолана.

Мой сынъ, мой другъ! что это значитъ?

Баязетъ.

Ты слышишь, онъ бѣжитъ; спасай Селима!

=

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ-ЖЕ и СЕЛИМЪ (безпорядочно одѣтый, съ кинжаломъ и факеломъ въ рукахъ, бѣжитъ къцвѣтнику)

Селимъ.

Гдѣ онъ? Сюда давайте Баязета!

Роксолана.

Пророкъ великій! Ты его обидѣлъ,
Ты слишкомъ пылокъ, добрый Баязетъ.

Селимъ (котораго рабъ непускаетъ)

Собака, прочь! Свободный путь Селиму!
Пусти меня!..

Рабъ.

Нельзя!

Селимъ (поражая его кинжаломъ)

Такъ будетъ можно!

Рабъ (упадая)

Да будешъ проклятъ пьяница Селимъ!

Селимъ (ворвашись въ цвѣтникъ)

Ага! Вотъ онъ! Съ невольницей!

Роксолана.

Селимъ,
Мой милый другъ!

Селимъ.

Такъ вотъ твоя раба!
Такъ вотъ куда запряталъ Одалиску!
Она моя, роскошный цвѣтъ Мореи!
Не цѣловать тебѣ очей зеркальныхъ,
Шелковыми власами не играть,
Пушистыхъ устъ не прижимать къ ланитамъ!..
Смотри! Она дрожитъ въ моихъ объятьяхъ...
(хочетъ ее обнять)

Роксолана (оттолкнувъ его)

Безстыдный, это я! Во прахъ, безстыдный!
Напитанный богопротивнымъ ядомъ,
Смердящими устами отъ вина
Ты лобызать хотѣлъ родную матерь!

Селимъ (уронивъ факелъ)

Здѣсь тѣни ходятъ. —

Роксолана.

Замолчи, несчастный
Вина твоя сіяетъ на челѣ,
У ногъ моихъ ты долженъ горько плакать
И выплакать прощеніе во прахѣ... —
Вотъ сладость жизни! Радуйся, Хризула!
Судьба мнѣ платитъ горькою отравой
За сладкія минуты торжества! —

Дитя, едва отпавшій отъ груди
На брата поднялъ острое желѣзо,

Убилъ раба невиннаго, и матерь
Хотѣлъ обнять нечистыми руками!
И это сынъ счастливой Роксоланы!...

Селимъ (стараясь всмотрѣться въ Роксолану)

Здѣсь чудеса! Двѣ капли Роксолана!..

Роксолана.

Какъ страшенъ, отвратителенъ Селимъ,
Обезображенный виномъ; какъ дико
Глаза его сверкаютъ! Кто повѣритъ,
Что я его на свѣтъ произвела!
А онъ мой сынъ! А я люблю его!
Онъ въ преступленіи еще мнѣ дорогъ!
Вотъ казнь моя — любить такого сына!!..
Селимъ, Селимъ! Еще вчера, съ согласья
Великаго Намѣстника Пророка,
Я обнимала васъ, младыя вѣтви,
Безсмертнаго, божественнаго кедра!
А ты въ полъ-дня успѣлъ забыть меня!

(нѣжно)

Мой другъ! Отдай кинжалъ....

Селимъ.

Отдашь кинжалъ?!

(со смѣхомъ)

Колдунъ!.. Но эта хитрость не удастся!
Рабѣ своей далъ образъ Роксоланы!
Я это слышалъ, часто Ичогланы
Обманывали стражей Солимана;
Но для меня стара такая хитрость!
Она моя!.. Пойдемъ!...

Баязетъ.

О гадъ нечистый!
Оставь ее, — не то, — глава твоя
Отскочитъ до Ахметовой мечети!

Селимъ.

Ага! Признался! Кончено! Пойдемъ!

Баязетъ.

Единый шагъ — и ты несуществуешь!

Селимъ (бросаясь на него съ кинжаломъ)

О, долго-ли мнѣ миловать тебя!

(Баязетъ поднимаетъ саблю; Роксолана между нихъ бросается)

Роксолана.

Остановитесь! Баязетъ! Селимъ!
Я ваша мать! Клянусь вамъ Алъ-Кораномъ,
Пророкомъ, всѣмъ клянусь, — я Роксолана!
Убей меня, Селимъ, твоимъ кинжаломъ,
Но прежде обними меня, какъ сынъ!
Въ объятіяхъ моихъ ты вспомнишь дѣтство!
Когда ты, на колѣнахъ у меня,
Въ невинной чистотѣ игралъ цвѣтками;
Тогда ты узналъ меня, Селимъ!
Когда ты слышалъ голосъ мой вдали,
Или во снѣ встрѣчалъ мой грустный образъ;
Селимъ, ты плакалъ! Помнишь-ли?..

Селимъ.

Не помню.

(тихо)

Я ничего теперь не помню. Память
Въ глазахъ моихъ безмѣрнымъ колесомъ
Медлительно, однообразно ходитъ!...

Роксолана.

Не помнишь! И тебѣ-ли помнить матерь;
А я не въ силахъ позабыть, что ты
Мой сынъ! Теперь Хризула торжествуетъ!
Да! Мустафа пріѣхалъ подъ кинжалы,
Что-бъ защитить отверженную Матерь,
А этотъ матери узнать не хочетъ!

(тихо)

Нѣтъ ты меня узнаешь, непокорный!
Есть средство для трусливаго Селима!

(громко и нѣжно)

Ты не ошибся, другъ; ты милъ мнѣ больше,
Чѣмъ Баязетъ! Ты ревновалъ ко мнѣ...
Благодарю! Приди въ мои объятья....

(обнявъ его, вырываетъ кинжалъ и, схвативъ его за руку, ведетъ къ Баязету)

Теперь проси прощенія у брата!...

Селимъ (потирая чело, въ изумленіи)

Здѣсь колдовство, здѣсь чары, нѣтъ сомнѣнья!!
Кружится свѣтъ, мнѣ дурно... Роксолана
Въ Гаремѣ брата моего!!

Роксолана (поднявъ кинжалъ

Селимъ,
Проси прощенія у Баязета!

Селимъ.

Колдуй! Колдуй! Ты мать мнѣ или нѣтъ,
Мнѣ все равно, я ненавижу брата!
Дай срокъ! Найдемъ сѣкиру Баязету!..

(хочетъ итти)

Роксолана.

Стой, дерзкій! Этотъ часъ — твой часъ послѣдній!
И у меня есть тюрмы и нѣмые,
Я Пади-Шахъ надъ дерзкими дѣтьми!

Селимъ (презрительно)

Ты Пади-Шахъ! Посторонись, кольдунья!

Роксолана (снова взявъ его за руку, въ бѣшенствѣ влечетъ его на передъ, поднявъ кинжалъ)

Колдунья — матерь! О морская жаба!
Сюда, на казнь! кинжалъ братоубійцы,
Въ моихъ рукахъ приличнѣе! Сюда! —
Пади къ моимъ ногамъ! Я раздавлю
Поганый черепъ съ замыслами ада!..

(Селимъ въ страхѣ падаетъ на колѣна)

Да будетъ проклятъ тотъ ужасный часъ,
Когда на свѣтъ я родила Селима!
Но, если я родить тебя умѣла,
То умертвить мнѣ будетъ легче, слаще!

(подошедъ къ дому, пронзительнымъ голосомъ)

Сюда! Нѣмые!...

=

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ и толпа черныхъ нѣмыхъ стремительно бѣжитъ изъ дому въ цвѣтникъ.—ИБРАГИМЪ (видѣнъ изъ-за плашана у ограды)

Роксолана.

Цѣпи и шнурки!
Я научу тебя быть добрымъ братомъ

Селимъ (въ ужасѣ)

О Магомешъ!!

Роксолана.

Твой Магомешъ — Пророкъ
Не для меня! А вѣра Роксоланы —
Кинжалъ и сердце... Ты — Магомешанинъ!
Ты, аспидъ, бога можешь называть!
А я его не знала, или забыла....
И что-жъ? Долгъ матери я свято помню,
А ты долгъ сына пренебрегъ; долгъ вѣры
Ты утопилъ въ винѣ богопротивномъ!
Подайте Алъ-Коранъ, снурки и цѣпи!

(рабы подносятъ книгу, другіе держатъ снурки, цѣпи и мѣшки)

Клянись на книгѣ твоего Пророка,
Окончить ссору съ братомъ Баязетомъ,
Жить въ дружбѣ, матери своей бояться,
Не пить вина и правила Корана
Хранить до смерти въ чистотѣ... Молчишь?
Мѣшокъ подайте... Вотъ тебѣ три смерти!
Мѣшокъ, снурокъ или кинжалъ... Рѣшайся!

Баязетъ.

О матерь, матерь! Братъ мой поблѣднѣлъ;
Глава его отягчена парами;
Теперь онъ ничего не можетъ помнить!
Оставь до завтра.

Роксолана.

Нѣтъ! Онъ трезвъ отъ страха!
Одно упрямство, неповиновенье,
Озлобленное сердце... Ибрагимъ!
Я думала, что, подъ твоимъ надзоромъ, —

Онъ будетъ лучше... Кончено! Селимъ,
Клянись, иль умирай! —

Селимъ (едва внятнымъ голосомъ)

О матерь, матерь!

Роксолана.

А? Ты узналъ меня! Клянись, несчастный,
Жить въ дружбѣ съ братомъ....

Селимъ (положивъ одну руку на Коранъ, а другую на голову

Матерь, я клянусь,
Семью святыми именами бога,
Достопочтенной Меккой и Мединой,
Начальными словами главъ Корана,
Обѣтованнымъ раемъ правовѣрныхъ,
Тобой клянусь....

Роксолана.

Ты раздѣляешь клятву?

Баязетъ (ставъ на колѣни возлѣ брата и положивъ руки по его примѣру)

Клянусь охотно....

Роксолана (бросивъ кинжалъ съ восторгомъ къ нимъ бросается)

Ахъ! Въ мои объятья!
Другъ, милый сынъ, ты снова мой, Селимъ!
Цѣлуй его, цѣлуй роднаго брата,
Какъ я тебя цѣлую! Баязетъ,
Сюда на грудь! Вотъ торжество мое!
Я матерь, какъ и прежде! Обнимитесь

И дайте мнѣ упиться наслажденьемъ!
Я дважды васъ на свѣтъ произвела!
Вамъ должно въ дружбѣ быть! Судьба суровый
Готовитъ опытъ вамъ, но это тайна...

(отводя ихъ впередъ)

Друзья! Одинъ изъ васъ Султаномъ будетъ!
Но тише, ради неба, ваша жизнь
На этой тайнѣ, какъ на шелковинкѣ!
Вздохнетъ противный вѣтръ и васъ — нестанетъ!
Нѣмые, удалитесь!....

=

ВЫХОДЪ 5.

Роксолана, Селимъ, Баязетъ и за оградой Ибрагимъ.

Роксолана.

Дѣти, дѣти!
Я все для васъ на жертву принесла;
Опасности кругомъ меня, какъ сѣти;
Какъ хитрый звѣрь, я въ нихъ хожу искусно;
Одинъ невѣрный шагъ — и все погибло.
А вы... но этаго не будетъ больше!
Враги васъ подучаютъ къ этимъ ссорамъ?
Не вѣрьте никому, вы безъ друзей,
Безъ покровителей, а Мустафа
Въ толпѣ людей къ нему расположенныхъ,
Какъ мѣсяцъ Рамазана въ звѣздномъ небѣ....
Утѣшьтесь! Я вамъ другъ—и съ васъ довольно!—

Но если кто изъ васъ нарушитъ клятву,
Изъ сердца моего упрекъ услышитъ,
Упрекъ убійственный — кинжалъ Евнуха!

(отошедъ, тихо)

Ихъ взоры не смутились! Можетъ быть
Съ насмѣшкой принятъ страшный мой обѣтъ!!
Обыкновенный страхъ ихъ не тревожитъ,
Прибѣгнемъ къ сверхестественному средству
Для этой цѣли и обманъ позволенъ....

(громко, съ таинственною улыбкой)

Вы мнѣ клялись, я вамъ клянусь взаимно! —
Да, дѣти, вотъ вамъ клятва Роксоланы:
Я знаю силу тайныхъ волхвованій,
Я знаю звѣздъ и мѣсяца теченье,
Я знаю, что̀ горитъ въ огромномъ солнцѣ,
И изъ чего воздушный куполъ сдѣланъ.
Скажу — цвѣтокъ завянетъ, мѣсяцъ спускнетъ;
Велю — змѣя въ рукахъ моихъ уснетъ;
Взгляну на море — и застонутъ волны;
Взгляну на человѣка — онъ издохнетъ!

(значительно)

Вы поняли? — Вотъ клятва Роксоланы!...

Простите! Ночь бѣжитъ, готова жертва!
Простите! Баязетъ, Селимъ, простите!
Что будетъ съ вами завтра?... Если-бъ можно
И время покорить могучимъ чарамъ!...

Молитесь, дѣти, вашему Пророку;
Мнѣ нѣкому молиться!... До свиданья!

=

ВЫХОДЪ 6.

Селимъ, Баязетъ и Ибрагимъ (за оградой)

Селимъ (про себя)

Колдунья больше любитъ Баязета...

Баязетъ.

Что̀, братъ Селимъ, задумчивъ и печаленъ....

Селимъ (злобно улыбаясь)

Иди къ своей невольницѣ; не долго
Дозволю я блаженствовать тебѣ!
Иль мнѣ, иль никому! — А если нужно,
Пусть бѣсится колдунья.... Я рѣшился!
Не быть тебѣ Султаномъ, Баязетъ!

=

ВЫХОДЪ 7.

БАЯЗЕТЪ и ИБРАГИМЪ (за оградой)

Баязетъ.

На что Селимъ рѣшился?

Ибрагимъ.

На убійство!

Баязетъ.

Ты-ль, Ибрагимъ?

Ибрагимъ (входя въ цвѣтникъ)

Не говори такъ громко!
Я коротко скажу. Селимъ пошелъ
Сбирать давно подкупленныхъ друзей.

Баязетъ (презрительно)

Какихъ друзей?..

Ибрагимъ.

Увы! Не Ичоглановъ,
А Янычаръ надежныхъ....

Баязетъ.

Что мнѣ дѣлать?

Ибрагимъ.

Упрямъ Селимъ. Напрасно Роксолана
Васъ къ примиренію принудить хочетъ!

Я вижу нѣтъ тебѣ другаго средства,
Какъ то-же средство...

Баязетъ.

Бунтъ!!

Ибрагимъ.

Противъ Селима.

Баязетъ.

Что скажетъ Солиманъ?

Ибрагимъ.

Когда узнаетъ,
А, безъ меня, что можетъ онъ узнать?

Баязетъ.

Но Янычары не пойдутъ...

Ибрагимъ.

Вотъ перстень
Султана! Съ нимъ они пойдутъ на Мекку!

Баязетъ.

Неужели нѣтъ средства къ примиренью?

Ибрагимъ.

Промедли пять минутъ, не будетъ средства
Не только къ миру, къ сохраненью жизни.

Баязетъ (взявъ перстень)

Кому-же перстень показать?

Ибрагимъ.

Агѣ.

Баязетъ.

Ишши на брата!

Ибрагимъ.

На врага.

Баязетъ.

Да будетъ!

=

ВЫХОДЪ 8.

Ибрагимъ (одинъ)

Дитя! Такой-же перстень у Селима!
Хорошъ мой жидъ; два перстня, какъ одинъ!
Убійцы съ двухъ сторонъ! О ночь, промедли
Еще два, три часа — и я оставлю
Несносную одежду человѣка!
Усна мои облобызаютъ смерть!
Я встрѣтилъ неудачу съ Мустафой,
Но часто неудача — есть наука,
Благой совѣтъ судьбы, зерно успѣха!
Теперь плотнѣй огромный заговоръ:
Умнѣе Муфти, Русенъ осторожнѣй,
Султанша злѣе; только Ибрагимъ
Одинъ и тотъ-же. Близокъ славный день;
Онъ съ ужасомъ ночь Рамазана смѣнитъ!...
Я буду безъ могилы, это правда!
Но ангелы найдутъ меня и въ морѣ!
Я съ гордостью приподнимусь предъ ними
И прокричу имъ въ бѣшеномъ восторгѣ:
«Нѣтъ у меня ни добрыхъ дѣлъ, ни злыхъ!
«Я жилъ не для себя на этомъ свѣтѣ,
«Я былъ не человѣкъ между людьми,
«А мщеніе *отца*, въ одеждѣ *сына*!» —

=

ВЫХОДЪ 9.

ИБРАГИМЪ и РОКСОЛАНА.

Роксолана.

Что, Ибрагимъ, пора?

Ибрагимъ.

Давно пора!

Роксолана.

Онъ не обманетъ?

Ибрагимъ.

Обмануть не можетъ,
А обмануться....

Роксолана.

Ты Кіоскъ назначилъ?

Ибрагимъ.

Въ твоемъ Кіоскѣ.

Роксолана.

Ты иди впередъ,
И если посторонняго замѣтишь,
Подай мнѣ знакъ!

Ибрагимъ.

Всѣ жены по мѣстамъ;
Всѣ стражи за оградой: а въ садахъ
Ты можешь встрѣтить только тѣнь платана,
Иль свѣтляка сіянье голубое.

Роксолана.

Гдѣ Рустенъ?

Ибрагимъ.

Гдѣ велѣла Роксолана.

Роксолана.

Иди-же, Ибрагимъ!

Ибрагимъ (съ жаромъ)

Счастливой встрѣчи!
Я искренне желаю этой встрѣчи!

Кровавыхъ разговоровъ, смерти, смерти,
Побольше смерти!!... Я иду, Султанша !..

(уходитъ въ сады)

Роксолана (съ принужденною улыбкой)

Какъ этотъ звѣрь привязанъ къ Роксоланѣ!

(уходитъ за нимъ)

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

*

АКТЪ ПЯТЫЙ.

ВЪ ИСТАМБОЛѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Покои въ Сералѣ, съ открытою Галлереею; вдали видѣнъ Истамболъ, освѣщенный фонарями минаретовъ и луною.

=

ВЫХОДЪ 1.

МУФТИ, ЮСУФЪ и бѣлые Евнухи.

Юсуфъ.

Ужъ скоро день; а Солиманъ безъ пищи
Безмолвно бродитъ подъ навѣсомъ; страшно
Рѣчь повести; то вдругъ пойдетъ, то станетъ,
То вслушивается въ далекій говоръ;
То всматривается въ ночную тьму.
Чего-то ждетъ; рѣшается на что-то;
Но мысль его, какъ якорь въ Океанѣ:
Веревку видишь, а желѣза нѣтъ!

Муфти.

Зачѣмъ онъ звалъ меня? —

Юсуфъ.

Одинъ Пророкъ
Такую душу можетъ ясно видѣть;
А мы боимся только, и молчимъ...
И потому незнаемъ, мужъ великій,
Зачѣмъ тебя велѣлъ онъ безпокоить...

Муфти.

Съ нимъ Мустафа? —

Юсуфъ.

О нѣтъ! Когда молитвы
Окончились въ мечети Солимана

И странный крикъ встревожилъ Истамболъ,
Султанъ безмолвно вышелъ подъ навѣсъ,
И сталъ ходить огромными шагами; —
А Мустафа пошелъ въ свои покои.

Муфти.

Давно онъ ходитъ?

Юсуфъ.

Будетъ три часа!

Муфти.

Быть можетъ, онъ для утомленья ходитъ,
Что-бъ лучше спать во время дня?

Юсуфъ.

О нѣтъ!
Бывало прежде въ эту ночь Султанъ
Ѣлъ очень много и потомъ въ садахъ
Окапывалъ своей рукой деревья,
Иль убиралъ душистыми цвѣтами
Кіоски Роксоланы, или рыбу
Съ Кизляръ-Агой ходилъ ловить на взморьѣ...
А нынче нѣтъ! Ты видишь, мужъ великій,
Мелькаетъ тѣнь Султана подъ навѣсомъ?
Онъ медленно идетъ сюда, безъ цѣли,
Что-бъ снова возвратиться подъ навѣсъ.

Муфти (тихо)

Юсуфъ! Учись молчать у Ибрагима!

(молчаніе)

=

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и СОЛИМАНЪ.

Солиманъ.

Сомнѣнія!.. Куда отъ нихъ уйти!
Все подозрительно на этомъ свѣтѣ:

Не только люди, даже этотъ мѣсяцъ
Былъ красенъ на Востокѣ, на Закатѣ
Сталъ блѣденъ, какъ безцвѣтное сребро!
Въ такую ночь Стамболъ, какъ гробъ, безмолвенъ,
А въ прежніе годы, отъ мандолинъ,
Отъ женскихъ пѣсень, — надъ сѣдымъ Босфоромъ
Широкій гулъ стоялъ шатромъ недвижнымъ....
Нѣтъ, что-то есть въ природѣ, или будетъ,
Чему не станутъ радоваться люди.....
Кто здѣсь?... А, Муфти! Я давно съ тобою
Хочу поговорить на единѣ.
Капы-Ага! Оставь насъ!....

=

ВЫХОДЪ 3.

СОЛИМАНЪ и МУФТИ.

Солиманъ.

Умъ Османовъ,
Небесныхъ и земныхъ познаній книга,
Ты долженъ быть ученъ и знать не только
Ученіе Мединскаго Пророка,
Оставленное намъ въ огромныхъ спискахъ;
Но тѣ таинственныя письмена
Которыми исчерчено все небо....
Ты долженъ знать: что̀ можетъ чародѣйство,
Что̀ значатъ таинства земныхъ явленій,
И, какъ исполкователь Магомета,
Начальникъ всѣхъ Шенковъ Исламитскихъ,
Ты долженъ у себя имѣть скрижаль,
Гдѣ вписаны судьбы всего Востока....

Муфти.

Судебъ могущихъ подлинной скрижали
Богъ никому не ввѣрилъ.... Но Алла

Такой же, какъ и ты, властитель. Небо
Есть только вѣчный Истамболъ его;
Вокругъ тебя рабы, чины Сераля, —
Вокругъ Аллы есть ангелы, пророки;
И у Аллы, какъ у тебя, есть тайны;
И у Аллы есть нужда въ откровеньи;
Вотъ почему онъ ангеламъ своимъ,
Или своимъ пророкамъ довѣряетъ
Сокровищницу тайнъ своихъ и мыслей;
А мы уже имѣемъ отъ пророковъ
Познанія не важныхъ тайнъ.....

Солиманъ.

А книга
Судебъ...

Муфти.

Увы! Для глазъ обыкновенныхъ
Она закрыта.... Многіе Дервиши,
Во время ихъ таинственныхъ движеній,
Упавъ безъ чувствъ, душею безтѣлесной
Взлетаютъ выше звѣздъ и предъ Аллой
Читаютъ вслухъ судебъ широкій списокъ;
Но возвратясь въ изнеможенный трупъ,
Молчатъ о томъ, что въ небесахъ читали;
Какъ можно человѣку разсказать,
Что̀ съ нимъ случится завтра иль сегодня?
Къ чему заблаговременно тревожить
И такъ уже сомнящуюся душу?..

Солиманъ.

Но почему-жъ, на Западѣ нечистомъ,
Ученые волшебники — по звѣздамъ
Пророчествуютъ всякому Судьбу
И тайны въ томъ не поставляютъ....

Муфти.

Западъ
Другими средствами владѣетъ. Можно
Узнать судьбу, безъ помощи Пророка;
Природа въ признакахъ, какъ небо въ звѣздахъ;
Умѣй ихъ только вѣрно понимать...,

Солиманъ.

Ты знаешь эти средства?

Муфти.

Не умѣю
Тебѣ сказать, Калифъ великолѣпный!
Не испытавъ, нельзя тому повѣрить
Что-бъ человѣкъ могъ бога угадать...

Солиманъ.

Я спрашиваю не о томъ, мудрецъ!
Ты можешь-ли, по признакамъ природы,
Узнать судьбу кого нибудь....

Муфти.

Калифъ,
Судьба судьбѣ къ несчастью не равна.
Счастливую судьбу и я умѣю
И предузнать и предсказать; но если
Судьба несетъ и ядъ и кровь и горе...
Такой судьбы узнать я не могу.

Солиманъ (близко подошедъ къ Муфти)

Не можешь! Ну, скажи мою судьбу!

Муфти.

Твою, Калифъ? Къ чему для испытанья
Ты неразумно жертвуешь собой?...

Солиманъ.

Мудрецъ! Мудрецъ! Нужна мнѣ эта жертва!
Хочу узнать! Душа моя болитъ,

Горишъ въ огнѣ язвительныхъ сомнѣній.
Хочу судьбу увидѣть безъ покрова,
И если въ ней нѣтъ больше удовольствій,
Которыми усыпанъ былъ мой путь,
И если въ ней засѣли скорпіоны
И медленно ее отравой точатъ
И мнѣ готовятъ сѣть однихъ несчастій,
Желѣзную неудовольствій клѣтку...
Я не хочу спокойно ждать судьбы!
Умъ порохъ изобрѣлъ; богъ создалъ пламя...
Я стану предъ Аллой въ пожарномъ блескѣ
И на судьбу обрушу Истамболъ....

Муфти (значительно)

Калифъ!

Солиманъ.

Насъ двое Муфти! Оглянись!
Ты предо мной небольше Ичоглана!
Старикъ! Ты знаешь, я еще могущь;
Твой санъ не защититъ тебя въ Сералѣ....
И если ты читалъ свою судьбу,
Такъ я подамъ съ нея булатный списокъ.—
Повѣрь по немъ: правдиво-ль волхвованье? —

Муфти.

Чего-же ты желаешь отъ меня?

Солиманъ.

Моей судьбы!.. Давно по Истамболу
Пророчества, предвѣстія кочуютъ;
Съ пріѣздомъ Мустафы, — разнесся слухъ,
Что умеръ я; еще сегодня утромъ
Видали надъ Сералемъ и Босфоромъ
Зеленый свѣтъ; весь Истамболъ въ унынье,

Какъ отъ заразы, прячется въ дома;
Вотъ третій день, изъ гавани никто
Не хочетъ выдти въ море, ждетъ погоды;
А морс третій день, какъ рѣзвый мальчикъ,
Благопріятнымъ вѣтромъ веселится! —
Что̀ значитъ всенародный этотъ трепетъ?
Онъ къ частному простому человѣку
Не можетъ относиться.... Я одинъ
Могу порядокъ естества нарушить....
Единый Солиманъ упрямо держитъ
Широкій міръ, какъ за руку ребенка;
Падетъ — и съ нимъ величіе Османовъ;
Какъ снопъ, развяжется и разлетится...
Мудрецъ! Не за себя хлопочетъ разумъ,
Не для себя онъ — горькія сомнѣнья,
Какъ сталь, куетъ и поливаетъ кровью....

Муфти.

Нашъ разумъ — осень. — Безпокойный вѣтеръ
То ясный день нагонитъ, безъ нужды;
То, безъ нужды, одѣнетъ небо въ тучи.

Солиманъ.

Я не привыкъ къ двусмысленнымъ отвѣтамъ.
Я требую моей судьбы и — только!..
А если ты открыть ее не можешь,
Такъ я изъ головы твоей сѣдой
Булатомъ вышяну мой жребій... Муфти,
Въ послѣдній разъ....

Муфти.

Остановись, Калифъ....
Дай мнѣ подумать....

Солиманъ.

Думать?! О глупецъ!
Неужели ты можешь обмануть,

Кого никто не обманулъ безкарно!
Ну, говори!

Муфти.

Я разскажу, что знаю!
По моему, судьба твоя, Калифъ,
Несчастія еще не представляетъ;
Но слышалъ я, родительское сердце
Несчастіемъ чужимъ безъ мѣры страждетъ...

Солиманъ.

Но не мое!... Ну, говори!

Муфти.

Твой сынъ....
Но для чего, Калифъ великолѣпный,
Заблаговременно тебя тревожить?...
Быть можетъ, черезъ полъ-часа, небольше,
Кизляръ-Ага и всѣ твои Евнухи
Падутъ къ твоимъ ногамъ въ безмѣрномъ спрахѣ
И головы рабовъ неосторожныхъ
Посыплются, какъ шишки кипариса...

Солиманъ (бѣшено хохочетъ)

Мудрецъ! Мудрецъ! Ты знаешь я привыкъ
На шутки отвѣчать остро и мѣтко!...
Шенки облекли тебя въ санъ Муфти, —
А я тебя разжалую въ нѣмые,
И пламенемъ слѣпотствовать заставлю...
(грозно)
Безъ глупыхъ остановокъ, говори!

Муфти.

Судьба твоя на двѣ дуги разбита!
Одна дуга... Твой сынъ — въ твоемъ Гаремѣ;
И молодъ и хорошъ; — для Роксоланы
Такой Султанъ...

Солиманъ.

Оканчивай скорѣй!
Пока я не сгорю отъ нетерпѣнья....

Муфти.

Онъ хочетъ Роксолану преклонить
На смерть твою; она не мать ему;
Для виду онъ ее отпуститъ на годъ, —
А черезъ годъ съ ней въ бракъ законный вступитъ!

Солиманъ.

Вотъ, Муфти, два кинжала! На, возьми,
Ступай со мной!... Я пятдесятъ шесть ранъ
На сердце сына положу; за каждый
Годъ жизни Солимана — кровь и смерть!
Онъ пятдесятъ шесть лѣтъ великой жизни,
Въ единый часъ коварно отравилъ!

Муфти.

Но есть судьба другая....

Солиманъ.

Говори!..

Муфти.

Когда не согласится Роксолана,
Иль если ты предупредить успѣешь....

Солиманъ.

Довольно! Мнѣ не нужно этихъ сказокъ!
Есть дѣти у меня безъ Мустафы.....
Скорѣй пойдемъ! Что̀ если онъ успѣлъ
Устами скверными коснуться розы!..
О, ради неба, я сойду съ ума....
Въ объятіяхъ преступныхъ Роксолана!!
Но если ты солгалъ, старикъ проклятый, —
Судьба твоя на двѣ дуги разбита,

Два платана къ ногамъ твоимъ согнутся
И на двѣ части трупъ твой разнесутъ!..

=

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ, РУСТЕНЪ, ЮСУФЪ и бѣлые Евнухи.

Солиманъ.

А, Рустенъ! Ты молчишь, не видишь, дремлешь;
Не знаешь, что надъ Оттоманской Портой
Кровавое созвѣздіе явилось?...
Рабъ! Двумъ безумно вздумалъ угождать!
Гдѣ Мустафа?!

Рустенъ.

Калифъ! Въ твоемъ Гаремѣ!

Солиманъ.

Что это? Заговоръ?.. Визирь и Муфти!..
Положимъ Муфти въ черныхъ книгахъ видѣлъ;
Но ты...

Рустенъ.

Столбъ міра! Я по Истамболу
Сбиралъ преступныхъ крикуновъ...

Солиманъ.

И что-же?...

Рустенъ.

Они признались.

Солиманъ.

Въ чемъ?

Рустенъ.

Какой-то рабъ
Ихъ подкупилъ....

Солиманъ.

А гдѣ-же этотъ рабъ?..

Рустенъ.

Раздавъ сребро, ушелъ опять въ Сераль,
И говорилъ сообщникамъ своимъ,
Что смерть твоя — въ Сералѣ ужъ не тайна!

Солиманъ.

Что это значитъ? Вотъ какимъ путемъ
Онъ на престолъ проходитъ Магомета!
Но гдѣ-же онъ теперь?..

Рустенъ.

Я ужъ сказалъ:
Въ твоемъ Гаремѣ. — Бѣлые Евнухи
Видали, какъ вошелъ онъ въ тѣ ворота,
Отъ конхъ ключь хранитъ Кизляръ-Ага.

Солиманъ.

Мудрецъ, ты не солгалъ; но въ награжденье
Я-бы желалъ изъ тѣла твоего
Всѣ жилы вытянуть по одиночкѣ....
Ничтожный червь, ты зналъ мою судьбу,
Ты зналъ давно, но ждалъ ее спокойно,
Что-бы потѣшиться Султанскимъ горемъ!
Вотъ мужъ святой! Кого жалѣлъ ты Муфти:
Меня, иль Мустафу, или себя?
Нѣтъ, Солиманъ не такъ великодушенъ!
И если опоздаетъ мой кинжалъ
Предупредить, чего страшится сердце, —
На минаретъ Ахметовой мечети
Поставлю мачту съ копіемъ булатнымъ
И въ Муэзины — Муфти возведу. —
Предсмертный голосъ твой — услышатъ въ Меккѣ!..
Да и тогда мученія твои

Моимъ — вполнѣ равны еще не будутъ...
Капы-Ага! Капы-Ага! Ножи!
Всѣ бѣлые Евнухи и нѣмые
Закрытые возьмите фонари, —
И всѣ за мной! Визирь и ты, мудрецъ,
Сѣдой колдунъ, за мной! — Мнѣ нужно крови!!

(всѣ уходятъ)

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Садъ надъ Босфоромъ; луна запянута облаками и уже надъ самымъ закатомъ; на переди сцены большой Кіоскъ съ отворенными окнами, въ которыя зрителямъ можно видѣть всю внутренность Кіоска; у самаго Кіоска дерновая софа въ кустахъ цвѣтовъ и миртовъ.

=

ВЫХОДЪ 1.

Ибрагимъ (одинъ, проходя за кустами)

Какъ тѣнь иду; нѣмыхъ шаговъ моихъ
Трава не чуетъ; долго-ль, Ибрагимъ,
Тебѣ неслышнымъ змѣемъ пресмыкаться!
Что̀, если столь огромный заговоръ,
Обдуманный сыновней местью, тайный,
Какъ неизвѣстная обитель тигра, —
Что̀, если этотъ заговоръ — нежданно
Гнилой рыбачьей сѣткой распадется....
Чу! Гдѣ то шорохъ... Это Роксолана
Идетъ поспѣшно, какъ мертвецъ въ могилу,
Когда за нимъ бѣжитъ ученый Дервишъ,
Иль розовое утро....

=

ВЫХОДЪ 2.

ИБРАГИМЪ и РОКСОЛАНА.

Роксолана.

Ибрагимъ!...

Ибрагимъ.

Я здѣсь. Но тише. Море чутко спитъ,
И тихій шопотъ громко повторяетъ...
Садись, Султанша на скамью тюльпановъ!
Я здѣсь побуду до его прихода,
А послѣ отдалюсь на сто шаговъ, —
Глаза мои во мракъ вперю — и если
Ты не дождешься помощи желанной, —
Махни платкомъ, — меня довольно будетъ...

Роксолана (сидя на скамьѣ, разсѣянно)

Ужасенъ міръ въ безмолвіи ночномъ!

Ибрагимъ (сидя на ступеняхъ Кіоска)

И трупъ простой не менѣе ужасенъ.

Роксолана.

Природа спитъ!

Ибрагимъ.

Но сны ея, замѣть,
Всегда кровавы....

Роксолана.

Напримѣръ?

Ибрагимъ.

Дѣянья,
Которыя свершаются во мракѣ,
Всегда несутъ кровавую печать...

Роксолана (задумчиво)

Да, можетъ быть... Чѣмъ эта кровь ужасна!

Ибрагимъ.

Отъ непривычки. Вотъ смотри, Природу
Какое злодѣяніе разбудитъ?
Она себѣ спокойно спитъ, а люди,
Какъ мухи, вкругъ чела ея летаютъ
Жужжатъ, другъ друга жалятъ, истребляютъ;
Но ради хитрой злобы человѣка
Природа, раньше утра, не проснется;
Она давно къ людской привыкла злобѣ.

Роксолана.

Ты золъ на міръ....

Ибрагимъ.

Ахъ, добрая Султанша,
Вѣдь мы съ тобой давно уже знакомы;
Невольницей простой была Султанша
А я простымъ рабомъ; теперь мы оба
Стоимъ высоко.... Кто-же насъ вознесъ?
Людская злоба, наша хитрость; только!..
Ты помнишь-ли, какъ дерзкій Ибрагимъ,
Паша трехъ Бунчуковъ, глазъ Солимана,
Погибъ отъ нашихъ словъ; ты помнишь, Муфти
Хвалился безкорыстіемъ своимъ,
А мы его однако-жъ подкупили;
А Рустенъ, другъ младаго Мустафы? —
И друга продалъ хитростью твоею....
Нѣтъ, въ доброту людей не вѣрь Султанша!
Я собственную злобу понимаю,
Такъ какъ-же мнѣ не понимать чужой!....
(вставъ, и тревожно чему-то прислушиваясь, говоритъ, понизивъ голосъ)
Султанша! —

Роксолана.

Что съ тобой?...

Ибрагимъ.

Будь зла, какъ прежде;
Алла на нѣжномъ, мягкомъ сердцѣ женщинъ
Провелъ любовь и злобу полосами;
Ты не видала въ жизнь свою ни разу
Въ красѣ румяной юношу младаго,
И, можетъ быть, при видѣ красоты,
Душа твоя сожмется состраданьемъ....
Не забывай родныхъ дѣтей Султанша!
Мгновенье доброты — они погибли.....

(еще тише)

Султанша! — Онъ идетъ!.... Будь осторожна!

=

ВЫХОДЪ 3.

Роксолана (одна)

Правъ Ибрагимъ! Какъ море, послѣ бури,
Колышется на право и на лѣво,
Такъ мысль моя бросаетъ слабымъ сердцемъ!
Я слышу шорохъ, это онъ!.. Я вижу —
Вотъ надъ прудомъ идетъ двойною тѣнью;
Быть можетъ, добрый, честный человѣкъ;
Быть можетъ въ немъ смиренье безкорыстно...
И не затѣмъ-ли онъ бѣжитъ въ опасность
Чтобъ разувѣрить злобу Роксоланы,
И поручиться за судьбу дѣтей?...
А я?.. Чѣмъ ближе онъ, тѣмъ больше страху;
Я вся дрожу, какъ этотъ нѣжный платанъ
Отъ моего прикосновенья... дѣти!
Для васъ я дѣлаюсь ехидной.... Дѣти,
Быть можетъ, этой жертвы слишкомъ много!

=

ВЫХОДЪ 4.

МУСТАФА и РОКСОЛАНА.

Мустафа (не видя ея)

Кругомъ все пусто! Ни живой души!
Темно; съ трудомъ во мракѣ различаю
Мѣста моихъ ребяческихъ забавъ. —
Вотъ этаго Кіоска я не помню;
И онъ меня, я думаю, не помнитъ;
Онъ новъ, кругомъ цвѣтами гордо убранъ...
А! Водометъ знакомый!.. Здѣсь она
Хотѣла говорить со мной..... Вотъ тѣнь
Сидитъ въ цвѣтахъ; какъ жаль, что такъ темно;
Я не увижу красоты Востока,
О комъ молва шумитъ давно и громко....
Она-ли это?

Роксолана.

Кто здѣсь?..

Мустафа.

Что мнѣ дѣлать?
Опасно ввѣрить им я незнакомкѣ....
Но, безъ сомнѣнія, мой вѣрный Рустенъ,
Въ согласіи съ могучимъ Ибрагимомъ —
Предупредилъ другую вспрѣчу...

Роксолана.

Кто здѣсь?

Мустафа.

Когда ты Роксолана, мать Селима
И Баязета, — я тебѣ скажу
Кто я....

Роксолана (привставъ)

Сынъ Солимана, Мустафа!
Ты угадалъ, и я тебя узнала...

Я слышала — ты громко упрекаешь
Меня за мать свою. Мы помиримся.
Садись! Скажи зачѣмъ хотѣлъ ты видѣть
Ту женщину, которую Султанъ
И отъ Пророка и отъ бога прячетъ?....

(луна проглядываетъ)

Мустафа (сидя)

Я слышалъ, Роксолана, ты меня
Не любишь; и тревожнаго Султана
Смущаешь подозрѣніемъ напраснымъ
Противъ меня; я слышалъ, ты желаешь
Кровавыми путями довести
Къ дѣтоубійству гордаго Султана...
И все изъ страха будто Мустафа
Твоихъ дѣтей приговорилъ къ убійству....

(луна болѣе и болѣе освобождается отъ облаковъ)

Роксолана.

Другъ, не вини такъ скоро Роксолану;
О, юный сынъ сѣдаго Солимана,
Ты молодъ; любишь мать свою Хризулу;
Такъ ты враговъ ея любить не можешь...
А я ей врагъ, непримиримый врагъ!..
Она мнѣ не проститъ своей обиды,
А я себя обидѣть не позволю....
Родитель твой неосторожень, храбръ;
Нѣтъ человѣка съ постояннымъ счастьемъ;
Онъ умеръ — ты Калифъ, твоя Хризула
Валидъ-Султанша... Чѣмъ-же буду я,
Чѣмъ дѣти — все богатство Роксоланы?..
Меня, какъ раковину безъ жемчужинъ,
Въ Эски-Серай запрячетъ твой Ага;
А сыновей задушатъ, иль утопятъ!...

Мустафа.

Не знаешь ты меня; не удивляюсь!
Не быстро ходятъ добрыя дѣла;
А я искалъ такъ суетно — по свѣту
Прославиться сердечной добротой.
Я не Гяуръ, не мягкосердый франкъ,
Но и не звѣрь искатель свѣжей крови;
Я жизнь люблю, такъ могъ-ли я подумать,
Что для другихъ она не столь любезна?!..
Но ты мнѣ не повѣришь, Роксолана!..

Роксолана (вперивъ на него глаза, задумчиво)

Тебѣ не вѣрить?... Богу твоему
Я меньше вѣрю; на очахъ твоихъ
Я доброту читаю съ умиленьемъ...
(какъ бы невольно приподымаясь съ жаромъ)
О, еслибъ можно предузнать судьбу;
Повѣрить неиспытанному счастью;
Остановиться на гнилой доскѣ,
И не итти впередъ на дикій островъ,
Гдѣ можетъ быть палачь насъ ожидаетъ....

Мустафа.

Что это значитъ?...

Роксолана (нѣжно)

Добрый Мустафа....
Я не стара еще; въ кипучемъ сердцѣ
Я слышу пустоту и жажду новой
Какой-то упоительной отрады....
Но ты не будешь столь великодушенъ.

Мустафа.

Объ чемъ ты говоришь?...

Роксолана.

Мы, какъ враги,
Сошлись — вести переговоръ о мирѣ....
Зачѣмъ такъ поздно... Можетъ быть теперь
Мы оба въ чистомъ счастьи обитали-бъ,
Ты смотришь небомъ, дышишь добротой;
А я о безопасности дѣтей
Мятежнымъ сердцемъ бурно трепетала....

Мустафа.

Клянусь тебѣ.....

Роксолана (нѣжнѣе и нѣжнѣе)

Теперь не нужны клятвы;
Вѣдь ты мнѣ также сынъ по Солиману;
Дай руку, другъ! Ты видишь, я дрожу;
Я радуюсь моей судьбѣ грядущей;
Увѣрена, что Мустафа оцѣнитъ,
Когда не красоту, то нравъ и сердце...
Теперь вдвойнѣ Хризулу ненавижу...
Завистливо глаза мои глядятъ
На перлъ безцѣнный... Онъ не мой! Хризулы!..
Быть матерью твоей — ей слишкомъ мало;
Она своей враждою ядовитой
Насъ раздѣлила на другомъ пути....

(страстно)

Другъ! Болѣе ни слова о союзѣ,
О мирѣ нашемъ болѣе ни слова!
Я не хочу ни клятвъ, ни увѣреній;
Я предаюсь тебѣ — простой рабой!
Оставь меня по смерти Солимана,
Невольницей, что-бъ поливать цвѣты,
Помоспы мыть въ Кіоскахъ, иль Султаншамъ
Носить шербетъ... Но только близь тебя!

(закрывъ глаза плачетъ)

Мустафа.

О Роксолана, лилія Пророка!
На этомъ сердцѣ много было ранъ,
Но рѣчь твоя прошла по нихъ цѣлебно —
И эти раны обратились въ перлы....
«Краса, — писалъ одинъ поэтъ Персидскій, —
«Не сноситъ крови, безобразной влаги;
«Краса всегда къ прекрасному стремится.» —

Роксолана (грустно)

Краса моя увяла. Солиманъ,
Какъ солнце на Закатѣ, не согрѣетъ,
Не оживитъ цвѣтка, что жаждетъ утра;
А женщина — цвѣтокъ неоднодневный
И съ каждымъ утромъ можетъ оживиться. —
Другъ, ты любилъ когда нибудь?..

Мустафа.

Любилъ.

Роксолана.

Что̀, это чувство сладостно, роскошно?
Вѣдь я неиспытала, я не знаю,
Такъ не дивись вопросу моему...

Мустафа.

Несчастная! Съ такою красотой!

Роксолана.

Что̀ наша красота? Хозяйство мужа...
Мы птицы Индіи далекой; въ клѣткѣ
Насъ пріучаютъ уважать неволю;
Велятъ любить, — мы любимъ; не веляшъ, —
Мы жизнь, какъ нитку медленно прядемъ,
Не ожидая лучшей перемѣны. —
Нѣтъ, и для насъ въ блаженствѣ и восторгахъ
Должны быть часши!.. Гордый человѣкъ

Ихъ отнялъ для себя... Но сердце помнитъ
Объ лучшихъ наслажденьяхъ и отрадѣ. —
Вотъ близь тебя оно сильнѣй трепещетъ!
На скатѣ лѣтъ, когда на жизнь мою
Уже глядитъ задумчивая осень,
Въ душѣ моей очнулся дивный призракъ
Святаго неиспытаннаго чувства...

Мустафа.

Такъ, правду говорилъ почтенный Русѕенъ:
Не можетъ быть, что-бъ въ перлѣ женъ и дѣвъ
Чувствительность не обитала....

Роксолана.

Нѣтъ!
Я женщина съ поверхностнымъ умомъ,
Съ безмѣрнымъ сердцемъ для любви и страсти;
Но Солиманъ не могъ насытить чувства;
Я никогда Султана не любила...
Прости мнѣ откровенность! Сердцу больно;
Оно одно притворствовать не можетъ...

(съ выраженіемъ высочайшей страсти)

Ахъ! Мустафа, не смѣйся надо мной,
Что я врага такъ скоро полюбила!
Что сыну ненавистной мнѣ Хризулы
Такъ простодушно сердце обнажила....
Не презирай сердечнаго движенья!
Бѣдь женщина — цвѣтокъ; Султанъ и нищій
Его отнесть въ свою теплицу могутъ;
А онъ всегда румяную головку
Ведетъ за солнцемъ; вянетъ и молчитъ;
А солнце на него и не посмотритъ....
Дай руку, Мустафа! Ты слышишь: слово
Внутри меня; оно неизъяснимо,
И только сердце можетъ догадаться

Объ томъ что думаетъ другое сердце. —
Ты слышишь шорохъ, стража садъ обходитъ..
Пойдемъ въ Кіоскъ; скорѣе, ради неба,
Ты можешь погубить себя... Пойдемъ!..

Мустафа.

Пророкъ! Чѣмъ это кончится?...

Роксолана.

Пойдемъ!

Мустафа.

Кто не пойдетъ съ тобою Роксолана!

=

ВЫХОДЪ 5.

Роксолана и Мустафа въ Кіоскѣ; Солиманъ, Муфти, Рустенъ, Каны-Ага, бѣлые и нѣмые.

Роксолана.

Молчи! Ни слова! Вынь свои кинжалы!
Они подходятъ...

(Мустафа обнажаетъ кинжалы)

Солиманъ.

Рустенъ! — Гдѣ-жъ они?
Мудрецъ! Взгляни!.. Видна-ль мечеть Ахмета?!
Ты скоро Истамболъ съ нея увидишь?...

Роксолана (внутри Кіоска пронзительнымъ голосомъ).

Кто здѣсь?

Солиманъ.

Чей это голосъ! Роксоланы?!

Роксолана (выбѣжавъ изъ Кіоска въ ужасѣ)

Кто здѣсь? Убійцы! Вотъ блестятъ кинжалы!..
Прочь отъ меня нечистый рабъ... Спасите!!..

(упавъ предъ Солиманомъ)

Кизляръ-Ага! И у тебя кинжалы?
Что это? Заговоръ?.. Толпа рабовъ?!
О Ибрагимъ! Неужели Султанъ
Прислалъ мѣшокъ несчастной Роксоланѣ...

Солиманъ (схвативъ ее за руку)

Молчи! Но кто сидитъ въ твоемъ Кіоскѣ?

Роксолана (прижимаясь къ Солиману)

Ахъ, это ты, судьба моя святая!
Благодарю!

Солиманъ.

Но кто сидитъ въ Кіоскѣ?..

Роксолана.

Убійца!.. У него блестятъ кинжалы
И очи...

(Султанъ даетъ знакъ нѣмымъ; они дѣлаютъ около выхода кругъ, за ними бѣлые и черные Евнухи; Рустемъ и Муфти становятся за Султаномъ, держащимъ за руку Роксолану. — Молчаніе. Всѣ глядятъ на Солимана, выражающаго судорожное ожиданіе.)

Мустафа (въ Кіоскѣ)

Что мнѣ дѣлать? Я обманутъ!
И какъ обманутъ!!. Нѣтъ луча надежды
Для оправданья... Злоба и коварство!
Такъ вотъ на чемъ влачится наша жизнь!
Вотъ добродѣтели вѣнецъ терновый....
Тамъ вѣрно лучше! — Жалко и досадно! —
И вѣришь и не вѣришь... Магометъ!
Пошли скорѣй двухъ ангеловъ за мною;
Я вѣрно буду въ морѣ погребенъ....

(выходя изъ Кіоска)

Все кончено! Да сбудется мой жребій.....

Рабы (между собою)

Выходитъ.... Онъ выходитъ...

Солиманъ (глухо)

Дайте свѣту!..

(Рабы открываютъ фонари)

Мустафа (на лѣстницѣ)

Пророкъ великій! Солиманъ!....

(Солиманъ дико и судорожно хохочетъ; глаза нѣмыхъ и бѣлыхъ устремлены на него)

Роксолана (тихо Солиману)

Кто это?

Солиманъ.

Кто это? Сынъ! Мой сынъ! Родной мой сынъ!
Смерть василиску!... Медлите, рабы!
Облейте бѣлый мраморъ черной кровью!

Мустафа.

Родитель! Я невиненъ!

Солиманъ.

Умертвите!

Рабы (поражая кинжалами Мустафу)

Великъ Пророкъ! Великъ его Намѣстникъ!

Мустафа (падаетъ у ногъ Солимана)

Родитель! Я невиненъ!

Солиманъ (бросаясь на него и нѣсколько разъ поражая кинжаломъ)

Ты невиненъ!
Кинжалъ отца остре и больнѣе!

Мустафа (протягивая руку, жалобно)

Дай твой кинжалъ поцѣловать, Родитель!

(умираетъ)

Солиманъ (наступивъ ногою на трупъ)

Вотъ онъ! Бездушный трупъ, облитый кровью;
Вотъ этотъ красный мѣсяцъ Рамазана!

Опора Османлисовъ, утѣшенье!
Моей рукой убитъ, ногой раздавленъ!....
Сюда, рабы! Смотрите: это онъ!
Гадъ мерзкій! Все въ немъ было ядовито....
Не улыбайтесь мертвыя уста!.....

(къ рабамъ)

И онъ мой сынъ!... Не содрагайтесь, звѣри!
Васъ — я безъ удовольствія замучу!
Душа моя отъ вашей глупой смерти
Не содрогнется чувствомъ наслажденья;
А онъ мой сынъ! Когда-то сынъ любимый,
Прославленный Востокомъ и Закатомъ,
Мой сильный врагъ, и другъ всему народу,
Онъ шелъ меня, безумецъ, умертвить,
И самъ убитъ, раздавленъ!!.. Веселитесь!
Со мной возрадуйтесь, рабы! Кричите!
Великъ Пророкъ! Великъ его Намѣстникъ!

Всѣ (глухо)

Великъ Пророкъ! Великъ его Намѣстникъ!

Солиманъ.

Есть дѣти у меня и безъ тебя!

(обращаясь къ рабамъ)

Мой сынъ Селимъ преемникъ Солиману!
А ты наслѣдуй дно сѣдаго моря!
Чудовища, подобныя тебѣ,
Что въ злой пучинѣ тайно обитаютъ,
Твой ядовитый трупъ пожрутъ на гибель;
И мертвый ты природѣ будешь въ тягость.
Капы-Ага! Зови сюда дѣтей!!
Пусть трупъ его имъ будетъ въ поученье!..

=

ВЫХОДЪ 6.

ТѢ-ЖЕ и ИБРАГИМЪ.

ИБРАГИМЪ.

Остановись, Ага! У Солимана
Нѣтъ болѣе дѣтей!....

СОЛИМАНЪ.

А черный дьяволъ!....

ИБРАГИМЪ.

А бѣлый звѣрь! Ты утолилъ-ли жажду
Невинной, чистой кровью Мустафы?

СОЛИМАНЪ.

Подайте цѣпи; для него кончину
Выдумывать я соберу диванъ....

ИБРАГИМЪ.

Напрасно, Солиманъ! Въ груди широкой
Я слышу разгарается отрава;
Она ужъ здѣсь; я обнялъ смерть мою
Какъ матерь послѣ долгаго прощанья....
Вотъ въ этотъ часъ я истинно живу!
Твой вѣрный Рустенъ, Муфти, Роксолана,
Смотри, съ какимъ невыразимымъ страхомъ
Ждутъ, что скажу я. Слушай, Солиманъ...
Твой сынъ невиненъ!

СОЛИМАНЪ (съ ужасомъ)

Что! Мой сынъ невиненъ?

ИБРАГИМЪ.

Невиненъ, да! По волѣ Роксоланы,
Подкупленъ Муфти, Рустенъ обольщенъ,
Уговорили Мустафу итти
Въ Гаремъ, что-бъ объясниться съ Роксоланой,
Увѣрить въ безопасности дѣтей,

Дашь клятву, что по смерти Солимана,
Селимъ и Баязетъ и Роксолана
Не будутъ преданы на судъ Хризулы...
Я — подкупилъ рабовъ отъ Роксоланы,
Чтобъ прокричали Мустафу Султаномъ;
Мы дружно шли на гибель Мустафы,
Твоимъ умомъ искусно управляли!..
Ты обнажалъ свой ножъ по нашей волѣ...

Солиманъ.

Окончишь-ли?!

Ибрагимъ.

Постой; еще не все!
Ты помнишь-ли Каиръ и Алъ-Гокара?
Какъ степь великъ; могущъ, какъ вѣтръ пустыни,
Онъ палъ невинно отъ руки твоей!
Ты помнишь клятву?! Стонъ прекрасной Эдвы!
Ты помнишь, какъ широкій Нилъ стоналъ,
Когда мѣшокъ съ несчастной Эдвой обнялъ!
Ты помнишь-ли ребенка Ибрагима?.....
Вотъ онъ... Смотри: вотъ онъ, съ ужасной
местью!
Ты у меня *родителей* похитилъ, —
А я тебя лишилъ твоихъ *дѣтей*...

Солиманъ.

Песъ смрадный!

Ибрагимъ (падая на колѣни)

Ахъ, еще одно мгновенье!
Отрава разливается... О, если-бъ,
Успѣлъ я все сказать.... Да, Солиманъ!
Ты безъ дѣтей! Селимъ и Баязетъ
Весь Истамболъ противъ тебя воздвигли!

Я нанялъ между Янычаръ надежныхъ
По десяти убійцъ... Ты слышишь крики;
Еще одно мгновенье — ихъ не станетъ!!...
(шатаясь приподымается)
Великій Алъ-Гокаръ, младая Эдва!
Я васъ отмстилъ! Торжественно отмстилъ!
Что Солиманъ, красна моя отплата?!
Ты *смерть* имъ подарилъ, холодный извергъ, —
Я *жизнь* тебѣ дарю! Живи! Живи!
Но безъ дѣтей, какъ кипарисъ надгробный,
И ядовитый вѣтеръ огорченій
Медлительно источитъ Солимана.....
Желаю долголѣтія..... Прости!.... (умираетъ)

Роксолана (бросаясь то къ Визирю, то къ Муфти)

Что онъ сказалъ? Гдѣ дѣти Роксоланы? —

Солиманъ (схвативъ ее за руку)

Стой! Я незнаю, что начать. Рабы!
Сюда съ ножами...

Роксолана (вырываясь)

Гдѣ Селимъ? Пустите!
Гдѣ Баязетъ? —

Солиманъ.

Въ крови лежатъ ихъ трупы,
Какъ эта жертва хитрости твоей!

Роксолана.

Спасай ихъ, Рустенъ! —

Солиманъ.

Рустена — въ оковы!

Роксолана.

Спасай ихъ, Муфти.....

Солиманъ.

На мечеть Ахмета!
На правый минаретъ, на копіе!..

(Рустена и Муфти уводятъ)

=

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ и РАБЪ.

Рабъ.

Весь Истамболъ въ тревогѣ. Янычары
Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ на Атмейданъ
Селимъ съ одними, Баязетъ съ другими!

Роксолана.

Они еще живутъ?!

Солиманъ.

Пускай ихъ рѣжутъ;
Они не нужны мнѣ. —

Роксолана.

Калифъ Востока!
Послѣднія Султановъ древнихъ вѣтви!

Солиманъ.

Змѣя! Я проклинаю ихъ! Довольно!
Бѣгите и скажите Янычарамъ:
Кто принесетъ мнѣ головы Селима
И Баязета — тотъ получитъ все,
Чего ни пожелаетъ.....

Роксолана.

Тигръ несытый!
Я разорву тебя....

Солиманъ.

Молчи, геенна!
Я распилю тебя пилой живую,
Кровь выпущу иголками, и ядомъ
Велю терзать безчисленныя язвы.....

Роксолана.

Безчеловѣчный! (падаетъ безъ чувствъ)

(молчаніе)

Солиманъ.

Все кругомъ молчитъ!
Все это трупы Мустафы..... О горе!
Сынъ! Горькій плодъ блаженства моего!
Моей судьбы алмазное кольцо!
Я самъ его съ цѣпи безумно сорвалъ...

(упавъ на трупъ сына)

Дай руку, другъ! Союзъ нашъ будетъ крѣпокъ!
Безъ слезъ я затоплю слезами міръ....
Земля застонетъ! Другъ, ты улыбнулся?
Ты просыпаешься?

(Заря занимается; за сценой слышны голоса Муэзиновъ)

Великъ Алла!
Великъ Алла! Нѣтъ бога, кромѣ бога,
А Магометъ Пророкъ его....

Солиманъ.

Ты слышишь?
Къ молитвѣ призываютъ Муэзины,
Смотри, заря... Мой сынъ! Пора вставать,
Пора итти въ мечеть, молиться богу.....

Роксолана (выходя изъ безпамятства)

Гдѣ я?

Солиманъ.

Онъ спитъ безмолвенъ, недвижимъ!

Роксолана (вставъ)

Гдѣ мой Селимъ, гдѣ Баязетъ?...

СОЛИМАНЪ (вставъ и схвативъ ее за руку)

Ни съ мѣста!..

Ахъ, память!!.. Онъ убитъ! Вотъ Роксолана!
Капы-Ага! Подай огня...

=

ВЫХОДЪ 8.

ТѢ-ЖЕ и второй рабъ.

РАБЪ.

Калифъ,
На площади дерутся!

СОЛИМАНЪ (схвативъ факелъ и таща за руку Роксолану)

Все зажгу —
И въ это пламя — брошу Роксолану.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Прочитывая корректуру, я замѣтилъ, что въ драмѣ моей разсѣяно нѣсколько выраженій, кои, безъ нѣкотораго познанія Востока, могутъ быть не всякому извѣстны; посему, пропустивъ болѣе знакомыя слова, я рѣшился пояснить прочія, сколь возможно кратче, дабы излишними, для драмы ненужными, исполкованіями не задерживать читателя. — И такъ: —

(1). *Истамболъ*, —названіе Цареграда, происшедшее отъ Греческихъ словъ: *исъ-тинъ полинъ*, что означаетъ *въ городъ* или *въ городъ*. Турки, не зная Греческаго языка, приняли это за самое названіе Константинополя.

(2). *Рамазанъ*, — девятый мѣсяцъ года у всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ Магометанскую Вѣру; въ теченіи сего мѣсяца запрещено принимать пищу отъ восхожденія до захожденія солнца. Рамазанъ составляетъ великій постъ Мусульманъ, хотя, по захожденіи солнца, имъ дозволено употребленіе яствъ и напитковъ, безъ всякаго особаго ограниченія.

(3). *Джиридъ*, — дротикъ, отъ коего и самая игра получила названіе; играющіе, на коняхъ, раздѣляются на двѣ равныя партіи и мечутъ короткіе дротики; искуство въ сей игрѣ, уклончивость и ловкость въ отраженіи удара; противникъ нападаетъ на бросившаго палку; единственное спасеніе безоружнаго вбѣжать за черту или мѣткимъ ударомъ недопустить противника къ нападенію. — Джиридъ не бѣденъ несчастными случаями.

(4). «*Я первая, любимая Султанша.*» — *Султана-Шассеки* т. е. любимая, называется та изъ женъ Султана, которая родитъ ему перваго сына.

(5). *Эски-Серай*, —старый дворецъ, въ коемъ живутъ жены умершаго Султана.

(6). *Кизляръ-Ага*, — начальникъ черныхъ Евнуховъ, составляющихъ внутреннюю стражу и прислугу Гарема. — Кромѣ другихъ должностей, Кизляръ-Ага исключительно управляетъ Гаремомъ Султана и есть самая довѣренная и приближенная къ нему особа.

(7). *Гяуръ*, — невѣрный; такъ называютъ Магометане всякаго, исповѣдующаго другую, не Магометанскую религію.

(8). *Муэзынъ*, — крикунъ, возвѣщающій время молитвы, въ замѣнъ колоколовъ, отвергнутыхъ Магометомъ, якобы по откровенію, сдѣланному богомъ, одному изъ его учениковъ.

(9). *Муфти*, — (великій) начальникъ Шеиковъ Исламитскихъ и законодательнаго сословія Улемовъ.

(10). *Улемъ*, — Сословіе Улемовъ составлено изъ Кадіевъ (судей), Муфтіевъ (законовѣдцевъ) и Имамовъ (священнослужителей); изъ нихъ состоитъ совѣтъ Великаго Муфти, который на вопросъ Султана требующаго поясненія старому закону, или новаго постановленія, отвѣчаетъ *Фетвами*, письменными мнѣніями, составляющими одинъ изъ источниковъ Османскаго законовѣденія. —

(11). Стихи напечатанные курсивомъ заключаютъ въ себѣ почныя выраженія взятыя изъ титуловъ Султана и Великаго Муфти, утвержденныхъ закономъ еще при Магометѣ II.

(12). *Фирманъ*, — письменное повелѣніе Султана.

(13). «*Ага блаженства моего.*» — Гаремъ Султана, между прочими наименованіями, носитъ названіе «*дома блаженства.*»

(14). *Рейсъ-Эффенди* управляетъ иностранными дѣлами.

(15). *Капуданъ-Паша*, — начальникъ всѣхъ морскихъ силъ Оттоманской Порты, состоящій, какъ Великій Муфти и Великій Визирь въ непосредственной зависимости отъ Султана.

(16). *Тимаръ*, — участокъ земли; всякая новозавоеванная страна раздѣлялась между Османами на тимары.

(17). «*Бѣлградъ, сей домъ святой войны*» — такъ названъ сей городъ въ Султанскомъ титулѣ.

(18). *Имамъ*, — священнослужитель.

(19). *Капы-Ага*, — начальникъ бѣлыхъ Евнуховъ и многочисленныхъ разнаго рода чиновниковъ, составляющихъ дворъ Султана.

(20). *Фетва*, — см. 10.

(21). *Амазія*, — городъ въ Малой Азіи.

(22). «*И сладкихъ винъ роскошная долина,*» — такъ величаютъ Амазію на Востокѣ.

(23). *Султанина*, — монета.

(24). *Скутари*, — городъ на Азіятскомъ берегу, противу Константинополя.

(25). *Каики*, — длинныя лодки, весьма легкія и удобныя для плаванія по Босфору.

(26). *Валидъ-Султанша*, — мать царствующаго Султана.

(27). «*Онъ ногтей не портятъ;*» — женщины на Востокѣ раскрашиваютъ ногти, для чего преимущественно употребляютъ Египетскіе румяны.

(28). *Ичоганъ*. — Въ древнія времена изъ лучшихъ семействъ покоренныхъ Турками народовъ избирались юноши и дѣти, кои составляли корпусъ Султанскихъ пажей; впослѣдствіи допускались и дѣти Османовъ. — Подъ надзоромъ Капы-Аги они обучались нѣкоторымъ наукамъ и ремесламъ; способнѣйшіе занимали важнѣйшія мѣста въ Сералѣ и Государствѣ.

(29). *Атмейданъ*, — древній Ипподромъ Грековъ, площадь имѣющая въ длину 250 шаговъ и въ ширину 150. — Оба названія означаютъ площадь коней.

(30). *Галата*, — предмѣстіе, нынѣ раздѣляющееся на Перу и Галату. — Иностранцы обыкновенно живутъ въ сихъ предмѣстіяхъ.

(31). *Мандолина*, — инструментъ со струнами.

(32). *Байрамъ*, — Магометанскій праздникъ. Байрамъ бываетъ Великій и Малый.—Великій начинается тотчасъ послѣ Рамазана и продолжается три дни.—Малый наступаетъ 60 дней спустя послѣ Великаго. — Два Байрама суть единственные, закономъ предписанные праздники Мусульманъ.

(33). *Хабанъ*, — мѣсяцъ, предшествующій Рамазану. —

(34). *Лазамъ-Визирь*, — Великій Визирь.

(35). *Чаушъ-Баши*, — начальникъ полиціи.

(36). «*Какую казнь законы назначаютъ за преступленье Янычаръ-Аги—*» Въ случаѣ лишенія кого либо изъ Государственныхъ чиновниковъ жизни или мѣста, Султанъ предварительно, не именуя лица, посылаетъ къ Муфти вопросъ о мѣрѣ наказанія за извѣстное преступленіе, на что Муфти и отвѣчаетъ фетвою (см. 10)

II. На второй заглавной страницѣ сдѣлана опечатка:

Вмѣсто: (писана лѣтомъ 1835-го года), прошу читать: (писана лѣтомъ 1834-го года).

H 107 89

ECKMAN
NDERY INC.
NOV 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025275937